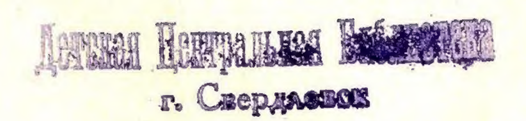

СБ
Б-75
БОЕВЫЕ
РЕБЯТА
ВЫП. 17

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

**ВЫПУСК
СЕМНАДЦАТЫЙ**

*Свердловское
Книжное Издательство
1953*

СЛАВНЫЙ ПУТЬ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Коммунистический Союз Молодёжи родился 35 лет назад, в грозные дни 1918 года. Внешние и внутренние враги Советской власти объединились в то время для борьбы против молодой Советской республики.

С первых шагов комсомол был верным боевым помощником Коммунистической партии.

Весь свой революционный пыл комсомол посвятил одной задаче — отстоять завоевания Октября. «Ни шагу назад!» — записано было в решении I съезда Союза молодёжи. Сотни отрядов рабочей и крестьянской молодёжи вливались в ряды Красной Армии. Победа или смерть! — этот призыв Ленина юноши и девушки несли в своих сердцах.

Вместе с отцами и старшими братьями комсомольцы сражались за свободу и независимость нашей Родины.

От первых боев
до последних
Мы шли без хлебов
и без слов —
Союз
восемнадцатилетних
рабоче-крестьянских сынов.

(В. Маяковский)

В те дни на дверях комитетов комсомола можно было прочесть выразительное объявление: «Райком закрыт, все ушли на фронт». В беззаветной отваге от юношей не отставали и девушки. Пулемётчица Мария Попова сражалась в рядах славной дивизии Чапаева. За боевые подвиги её наградили орденом Красного Знамени. В фильме «Чапаев» она увековечена под именем Анки-пулемётчицы.

В десятилетнюю годовщину Красной Армии Советское правительство наградило ленинский комсомол высшей революционной наградой — орденом Красного Знамени.

В годы гражданской войны комсомол прошёл своё первое боевое крещение.

Разгромив внешних врагов и белогвардейцев, Советская страна под руководством Коммунистической партии принялась за восстановление народного хозяйства. Первым помощником партии был комсомол. На заводе «Красный треугольник» в Ленинграде была организована по почину комсомольцев первая ударная бригада. Затем такие бригады стали создаваться по всей стране — в Москве, на Урале, в Донбассе и других местах.

Не было такого уголка, где бы комсомольцы не прославились своими трудовыми подвигами. Они строили гиганты социалистической индустрии, возрождали угольный Донбасс, осваивали таёжные леса, покоряли золотоносные недра Сибири, штурмовали ледяные просторы Арктики. За инициативу в труде, за участие в хозяйственном строительстве комсомол был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Комсомольцы в первых рядах советских тружеников воздвигали новые города, строили светлое здание коммунизма. Но спокойная счастливая жизнь Советской страны была прервана вероломным нападением фашистской Германии. С честью и славой советская молодёжь выдержала суровые испытания войны.

Молодые патриоты в борьбе с врагом были стойкими, храбрыми, мужественными. Неувядаемой славой покрылись имена комсомольцев Николая Гастелло, Александра Матросова, Олега Кошевого, Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, отдавших свою жизнь за счастье народа.

Близ подмосковного города Верея, в деревне Петрищево, немецкие солдаты захватили юную партизанку, пытавшуюся поджечь военный объект. На допросе девушка назвалась Таней. Как ни пытали её немцы, она отказалась выдать своих боевых друзей. Фашисты зверски замучили Таню. Перед смертью она успела крикнуть крестьянам: «Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Это счастье — умереть за свой народ...»

После освобождения Петрищева удалось установить имя юной партизанки. Она оказалась московской школьницей, комсомолкой Зоей Космодемьянской. Подвиг её стал примером для всей советской молодёжи. «Быть такой, как Зоя!» — клялись тысячи юношей и девушек.

Партизанку Лизу Чайкину, простую русскую девушку из Калининской области, прозвали в народе «вестницей правды». Когда пришли немцы, она вместе с друзьями ушла в лес. Лиза стала разведчицей и агитатором. Она ходила по сёлам, раздавала листовки, рассказывала крестьянам правду о положении на фронтах. Немцы захватили её и расстреляли.

Комсомолец Александр Матросов в решающую минуту боя, прорвавшись к вражескому дзоту, закрыл своим телом амбразуру и обеспечил успех подразделению.

Зое Космодемьянской, Лизе Чайкиной, Александру Матросову, как и многим другим комсомольцам, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В заключительные дни войны, когда Советская Армия добивала немецких фашистов в их столице, два молодых советских разведчика — комсомолец Михаил Егоров и Мелитон Кантария — водрузили знамя победы над Берлином.

Советские юноши и девушки внесли свой вклад в великое дело завоевания победы, они показали, что достойны той школы воспитания, которую дала им Коммунистическая партия, достойны звания юных ленинцев.

За выдающиеся заслуги перед Родиной в Великой Отечественной войне комсомол был награждён орденом Ленина, орденом Отечественной войны 1-й степени была награждена газета «Комсомольская правда», орденом Трудового Красного Знамени награждена газета советских ребят «Пионерская правда».

Победоносно окончив войну, Советская страна приступила к мирному труду, к восстановлению разрушенного хозяйства, к выполнению послевоенных пятилетних планов.

Перед всеми советскими людьми встала задача — осуществить мечту человечества, построить коммунизм в нашей стране.

А для того, чтобы строить, надо знать, чтобы знать, надо учиться. Человек, который мало знает, не может двигать вперёд науку, технику, культуру. Знания нужны не только инженеру, врачу, агроному, они необходимы на каждом шагу и в любой работе. Молодой рабочий не сможет овладеть своей специальностью, если сам он не знает химии, физики, математики. «Коммунистом стать можно лишь тогда, — говорил Ленин комсомольцам, — когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Книга — неразлучный спутник жизни, учитель, советчик, друг молодого человека.

Пример любовного отношения к книге являет нам жизнь великого писателя Алексея Максимовича Горького. В тяжёлом труде и скитаниях прошли его молодые годы. Он не смог получить образования в школе. Но неукротимое стремление к знаниям помогло ему стать человеком высочайшей и разносторонней культуры. В этом ему помогли книги. «Всем хорошим во мне я обязан книгам... — писал Горький. — Я не могу говорить о книгах иначе, как с глубочайшим волнением...»

Новая пятилетка — пятилетка невиданного развития техники, науки. «Перед нами стоит крепость, — говорил товарищ Сталин молодёжи. — Называется она, эта крепость, наукой с её многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодёжь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии».

Но овладевать наукой, учиться — не значит отрываться от жизни. Ныне в школах вводится политехническое обучение. Это значит, что уже в стенах школы мальчики и девочки будут овладевать основами производств. Политехническое обучение необходимо для того, чтобы будущие члены коммунистического общества могли свободно выбирать профессию, а не быть при-

кованными на всю жизнь к одной профессии. Для этого нужно не только изучать математику, физику, химию и другие науки, но и упорно, настойчиво овладевать трудовыми навыками, учиться мастерству.

«Надо,— говорил Ленин,— чтобы Союз Коммунистической Молодёжи воспитывал массы с молодых лет, с двенадцати лет, в сознательном и дисциплинированном труде». Выполнять эти требования — значит быть верным помощником Коммунистической партии, готовиться стать активным строителем коммунистического общества.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

Е. Хоринская *Рисунки О. Коровина*

На сцене сегодня знамёна у нас,
Огнями сверкает вся школа.
Костер загорелся в назначенный час
В честь Ленинского комсомола.

И строем красивым прошли через зал
И вышли на сцену ребята.
Седой наш директор, волнуясь, сказал:
— Родной комсомол — ваш вожатый.

Немного поближе к костру подошёл,
И словно исчезли морщины.
—. Ребята, а я ведь вступал в комсомол
В день первой его годовщины.

И шли из райкома мы прямо на фронт,
Гремели бои на Урале...
Враги наступали... В дыму горизонт...
Но Родину мы отстояли.

Пошла молодёжь, не пугаясь преград,
На стройки, к станкам и мартенам.
И создали мы пионерский отряд —
Расти комсомольская смена!

Сегодня на этом костре третий класс
Вступает у нас в пионеры.
Так пусть же запомнится день этот, час,
Запомнится сбор этот первый...

И каждый с волнением клятву давал,
И голос срывался вначале:
Торжественного обещания слова
Над залом притихшим звучали.

Твой галстук багровый алеет огнём,
Того же он цвета, что знамя;
И кажется, будто пылает на нём
Костра пионерского пламя.

Расправлены ровно три алых конца
Умелой рукою вожатой...
— Будь верным Отчизне своей до конца,
Пусть бьётся горячее сердце бойца
Под галстуком красным, ребята!

УЧИТЕЛЬ

Н. Ошивалов ***Рисунки Е. Гилёвой***

Большевики Урала явились боевым отрядом ленинско-сталинской партии в деле подготовки Великой Октябрьской социалистической революции.

Одним из лучших бойцов этого отряда был Иван Михайлович Малышев, ставший с марта 1917 года председателем городского комитета Екатеринбургской организации большевиков.

Ивана Михайловича хорошо знали рабочие как ученика Якова Михайловича Свердлова. Его любили за чуткость и отзывчивость к нуждам рабочих, за непримиримость к врагам рабочего класса. Погиб Иван Михайлович Малышев летом 1918 года в боях с бандами Колчака.

Публикуемый ниже рассказ «Учитель» является отрывком из готовящейся Н. Ошиваловым книги о жизни и работе И. М. Малышева.

— Едет, едет! — закричали враз две самые маленькие девочки. Ватажка ребят, сидевших на брёвнах около пожарной каланчи, как воробьиная стайка, сорвалась с места к полевым воротам.

Ребята давно поджидали нового учителя. Вчера сельский староста назначил ехать за ним на станцию сторожа Степаныча.

Когда ребята подбежали к воротам, Степаныч погрозил им пальцем и показал на мужчину, внимательно рассматривающего верстовой столб. Незнакомец был среднего роста, с картузом в руке, с вьющимися светлыми волосами, зачёсанными на затылок. Он громко читал надпись на прибитой к столбу доске: «Село Фоминское. В нём мужского полку 182 души, женского полку 210 душ, девичьего 46 душ».

— Так, так, вот и ещё одна душа прибавится, — сказал незнакомец. Обернувшись, он увидел ребят, и молодое лицо его с чуть пробивающимся пушком на верхней губе как-то всё засияло, светлые глаза заискрились лаской.

— А вы какого полку? — улыбаясь, спросил он ребят.

— Разного! — опять ответили враз те же две девочки. Стоявший до сих пор в отдалении и недоверчиво исподлобья посматривавший рослый мальчуган, подходя ближе, степенно спросил:

— А вы новый учитель будете? Как вас зовут?

— Ну, давайте знакомиться. Я — новый учитель, зовут меня Иван Михайлович, фамилия Малышев. А вы в школу все ходите?

— Нет! — мотнул головой веснущатый быстроглазый паренёк. — Дашутку не пускают, — он указал на белокурую, с тоненькой косичкой девочку, — заставляют с маленькими водиться. А Серёга вон не доучился, в батраках работает. У него отец сгорел.

— Как же так сгорел? — удивился учитель.

— Углежогом был, провалился в огонь и сгорел, — угрюмо ответил Серёжка.

— Я тебе уроки домой буду давать.

— Меня хозяин прогонит.

— Не горюй, уладим дело! — ободрил учитель.

— Серёга на гармошке играет, — вставил кто-то из ребят.

— Иван Михайлович, — обратился возница, — на квартирку-то, на край села согласны? Хорошие два брата живут, только вот неспокойно, портные они, народу к ним много ходит.

— Народу много ходит? — переспросил учитель. — Так это же замечательно! Поехали к ним! А вы, ребята, завтра заходите в гости!

— Эх, и учитель, во всём свете такого не сыщешь! — мечтательно протянул Серёга.

— А ты знаешь? — неуверенно спросил Митя. — Ещё неизвестно, какой будет.

— Раз говорю, значит, знаю! — запальчиво ответил Сергей. — Прошлый раз с хозяином ездили на базар в Махнёво. Стоим мы на базаре, подходит наш староста, расстроенный такой. Хозяин спрашивает, что, мол, не в духе, а тот сплюнул и говорит: «Да вот забота, назначили к нам нового учителя, Малышев по фамилии, недавно из тюрьмы выпущен. Хлопот не оберёшься. Молодой, да бывалый, верхотурский». Уж раз наш староста так говорит, значит, Иван Михайлович за народ, за бедных.

— Вот это здорово! — воскликнул Митя.

* * *

Очень скоро подружился Иван Михайлович со всеми ребятами, а через них и со взрослыми, особенно с теми, кто победней, да посмелей, кто не боится мечтать о хорошей жизни для всего трудового народа.

Только богатеи да староста с писарем косились на молодого учителя, шпионили за ним.

— Серёжа, — подозвал однажды учитель. — Сегодня вечером погуляй по улице с гармошкой, если кто чужой пойдёт или урядник — дай знать.

— Хорошо, Иван Михайлович!

К вечеру у учителя собрались: портные, фельдшер, учительница и двое крестьян.

— Товарищи! — начал негромко Иван Михайлович, — прошлый раз мы не дочитали статью Владимира Ильича Ленина. Отложили на следующий раз, а сегодня приехали мужики из Махнёво посоветоваться. Скоро должны подойти.

Раздался лёгкий стук в окно. Хозяйка открыла дверь, комната быстро наполнилась народом. Портной тихонько наигрывал на балалайке и подпевал:

Как по речке, да по быстрой
Становой-то едет пристав,
А за ним письмоводитель —
страшный вор,
большой грабитель.
Горе нам, горюшко,
Горюшко великое!..

Сидевший на лавке чернобородый мужичок заговорил:

— От писаря житья нет. Приходит вечор к соседу: «Давай, — говорит, — денег!» Мужик взмолился: «Какие сейчас деньги, и хлеба-то нет». А писарь ему: «Мне какое дело, вынь да положь! Если завтра не принесёшь, сына сдам в солдаты!»

— Эх, да что и говорить, — отозвался кто-то из угла.

— Урядник всё время пьянствует, земский начальник совсем ума рехнулся, — приказал всех кур и гусей перерезать, что, слышь, они кудахтают да гогочут, спать ему мешают!

— Что там куры, — зашумел небольшой коренастый мужичок в рваном зипуне, — лесу полно, а даже дровишек не дают нарубить. Всё хапают себе мироеды. У меня вон телка́ взяли. Разжирел Фрол Хапугин. Свою торговлю имеет и по Уралу и в Сибири.

Разговор стихал, все посматривали на Ивана Михайловича, и он заговорил.

— Правильно, мужики. Жизнь бедняков становится всё труднее и труднее, а богатеи становятся ещё богаче. Недавно я был в Надеждинском заводе, рабочие там тоже очень плохо живут, как говорится: «и холодно и голодно, и плакать не дают». Заработки маленькие, да ещё штрафами их одолевают. Хлеба не на что купить, ребятишки голыми бегают, а начальник завода с жиру бесится, за границей целый дворец выстроил. Купчишки и там разные торгаши тоже с рабочих три шкуры дерут — дадут в долг на копейку, а потом берут рубль. Ну, а жандармы, урядники, чиновники им помогают. Немного глуховатый голос Ивана Михайловича становился звонким.

— Выходит, что жизнь бедняков одинаково тяжела! Получается, что враги у рабочих и крестьян — одни! Значит, надо вместе с рабочими выступать против общих врагов!

На улице заиграла гармошка: Сергей давал сигнал. Иван Михайлович замолчал, а потом негромко сказал:

— Идёт кто-то посторонний, будем расходиться. Спросят, что за народ, так вы, у кого ребята, отвечайте, что насчёт их ученья заходили, а у кого нет ребят,— у портных, мол, были.

Протяжно заскрипела калитка, подошёл писарь.

— Иду, вижу — огонёк, — лукаво заговорил он, — дай, думаю, зайду, давно не виделся с учителем. А что это народу-то как много?

— Насчёт ребятишек заходили,— ответил мужичок с чёрной бородой.

— Фу, нечистая сила, да у Ефима сроду ребят не было!

— А он, верно, у портных был,— не растерявшись, ответил мужичок.

— Так, так! — ехидно прогнусавил писарь, — ну, ладно, час поздний, пойду и я на нашест.

Чуть стихли голоса уходящих крестьян, к учителю подбежал Серёжка.

— Иван Михайлович, хожу я по улице и вижу: кто-то возле огорода крадётся, постоит-постоит да опять вперёд к вашей квартире, а это, оказывается, писарь, я и заиграл на гармошке.

— Молодчина! — похлопал Серёжу по плечу учитель. — Вот что, Серёжа, в воскресенье, если будет хорошая погода, пойдём на экскурсию к Ермакову броду. Ты позови ребят.

* * *

До Ермакова брода шли, перекидываясь шутками, напевая любимые песни.

— Вот и пришли! — сказал Иван Михайлович.

Ребята уселись в кружок. Учитель снял фуражку, немного прищурился на солнце и начал рассказ.

— В народе сохранилось предание, что здесь, — он показал рукой на речку, — прошёл со своей дружиной Ермак Тимофеевич. Это было давно, в XVI веке. Ермак ушёл дальше, в Сибирь, чтобы отразить набеги сибирского хана Кучума. А здесь осели бежавшие из центра России от тяжёлой жизни и преследования бояр бедные люди. Так возникло село Фоминское.

Только и здесь народу не легче жилось. По приказу царя жителей приписали к заводчику Демидову. Сам он не работал, жил за границей, а фоминцы работали на него...

— Иван Михайлович, а правда, что заводчик Демидов купил на сельскую церковь колокол? — спросила одна из девочек.

— Правда,— вздохнул учитель и продолжал: — по приказу Демидова крестьян каждый год, как скотину, сгоняют работать: кого на заводы, кого уголь для них жечь. Многие больше не возвращаются, погибают от тяжёлой работы, как отец Серёжи...

Сам Демидов здесь не бывал никогда, но, чтобы помнили и почитали его, каждый день звонит колокол, на котором написано: «Дар Никиты Демидова»...

Наш край очень богатый. Кругом дремучие леса. Смотрите, — учитель протянул руку, — как волны в океане, колышутся могучие вершины бора. Сколько в нём всякого зверя! В реках и озёрах полно рыбы, а в земле — железная руда, золото, платина, драгоценные камни... Но народ живёт плохо, бедно. Все ценности, которые он создаёт, растрачиваются бездельниками-богачами. Они набивают себе карманы, а царь настроил кабаков и спаивает мужиков.

— Веселитесь? — заскрипел неизвестно откуда появившийся писарь.

— Беседуем, — спокойно ответил учитель.

Дома Ивана Михайловича ждала неприятность.

— Вот дела-то какие, — писарь ездил в Верхотурье, говорят, донёс на вас, — вздыхая, сообщил хозяин квартиры.

— Не унывайте, ничего им не удастся найти, — уверенно сказал Иван Михайлович. — Однажды уж доносили. Пришли жандармы, начали запрещённые книги искать, наткнулись на брагу и давай пить. А хозяйская девочка, лет так десяти, увидела и кричит: «Вы же книги ищете, а это брага!»

После полуночи в дверь громко постучали.

— Кто там? — спросила хозяйка.

— Открывай! — выкрикнуло несколько голосов.

— Да кто вы такие? — переспросила женщина.

— Ах ты, размазня! — выругался кто-то за дверью, — дай я попробую.

Крючок сорвался, и дверь распахнулась.

— Давай свет! Господин Малышев, вы арестованы. Не вздумайте бежать, дом окружён, — объявил выступивший вперёд жандармский поручик.

— Куда мне бежать из своей квартиры, хоть вы и ворвались, как взломщики, — ядовито заметил Иван Михайлович.

— Молчать! — заорал жандарм, — где революционные прокламации, листовки, брошюры, книги?!

— Никакой литературы, кроме учебных пособий, у меня нет, — спокойно ответил Иван Михайлович.

— Обыскать все уголки, распороть тюфяк, подушки! — приказал жандарм стражникам.

— Напрасный труд, господин поручик! — насмешливо сказал учитель.

— Не ваше дело! — оборвал жандарм.

— Как хотите, — пожал плечами Иван Михайлович.

— Подлецы, всё спрятали! — ругался жандарм, не найдя запрещённой литературы.

— Господин Малышев, скажите, кто ваши сообщники, и мы освободим вас, — потребовал поручик.

— Мои сообщники — все бедные и забитые люди, — гордо заявил Иван Михайлович.

— Молчать! — взревел побагровевший жандарм и наотмашь ударил учителя по лицу.

— Сегодня же отправить в Верхотурскую тюрьму! — приказал он стражникам.

— Вот и отгуляли, господин Малышев, — захихикал вертевшийся тут же писарь.

— Мы ещё вернёмся! — крикнул Иван Михайлович, выходя за жандармом.

Мужество

К. Махров

Рисунки Е. Гилёвой

Володя Лебедев торопился. Он ещё не совсем научился ходить на костылях, а до школы — далеко. Вчера Володя сговорился с Юрой Слесаревым придти в класс пораньше. Юра покажет ему, как надо решать задачи по алгебре. И Виталий Обудовский, ученик десятого класса, отличник, обещал придти помочь разобраться в прямом и косвенном дополнениях.

— Вовка, здорово! — окликнул его Антоша Бочкарёв с крыльца сапожной мастерской. — Давно я не видел тебя.

Антоша был в кепке, сдвинутой на затылок, в грязном фартуке. Лицо его носило следы ваксы.

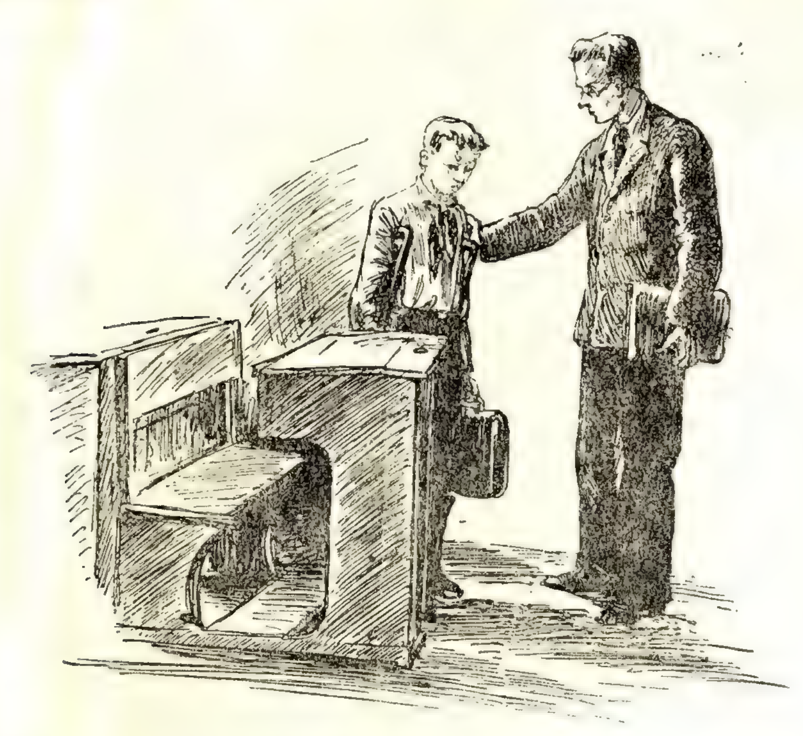
— Эх, брат, каким они тебя сделали! — говорил он, осматривая Володю и сочувственно качая головой. — Да как же это? Неужели эти самые доктора не могли не отрезать тебе ногу?

Будь Антоша повнимательней, он заметил бы, как у Володи дрогнули губы, как сошлись над переносицей брови.

— Меня поздно привезли в больницу. Заражение началось, гвоздь-то ржавый был, — неохотно ответил он.

— В нашей мастерской ученик нужен. Работа спокойная, сиди, стучи молоточком, и ходить не нужно. Всё равно ведь не перейдёшь в седьмой... Шутка ли: три месяца не учился.

— Я догоню.

— Дудки! — присвистнул Антоша. — И меньше твоего пропускали, да и то не догоняли... Хочешь, поговорю с мастером? Возьмёт.

— Я не думал об этом, не знаю...

— Подумай, дело верное. Что тебе школа, разные там суффиксы да приставки? А тут — сам себе голова.

Светло было на душе у Володи до встречи с Антошей. Он знал, что сейчас придёт в школу, его окружат ребята, расскажут новости. Юра Слесарев будет заниматься с ним по алгебре. Ребята, уроки, учителя — всё это своё, родное, свой мир. И вот в этот светлый мир ворвался Антоша и поманил пойти в другой мир, где всё попроще, где будет полегче.

На занятиях Володя был задумчив и рассеян. Антошины слова не выходили у него из головы. Домой пришёл угрюмый.

Уроки выполнять не хотелось. Он встал у окна и долго смотрел на каток. Там играло много знакомых ребят, среди которых мелькала маленькая, подвижная фигурка Тимы Князева, того, что из пятого класса... «Вот безобразник, — думал Володя, — ему же на уроках надо быть... А он на катке развлекается».

Но Володе сейчас было не до Тимы. Ему очень хотелось пойти туда, на каток, надеть коньки и мчаться по ветру.

— Куда тебе... Сиди уж... — вслух сказал он самому себе, и грустная улыбка появилась на его бледноватом лице.

Оленька, пятилетняя сестрёнка, сидела за столом и что-то рисовала разноцветными карандашами.

— Володя, давай играть в магазин... — попросила она.

Это была её любимая игра: Володя становился продавцом в игрушечном магазине, а она — покупательницей.

— Да отстань ты со своим магазином, — сердито ответил брат, не отводя глаз от катка.

В комнату вошла Мария Павловна, мама. Она не слышала разговора детей и, как всегда, просто и ласково сказала сыну:

— Ты не провернёшь мясо на машинке? А я бы сходила за водой...

— Не буду, — буркнул Володя. — Что я... кухарка, что ли? Не дадут спокойно посидеть... Будто не знают...

Мать с недоумением посмотрела на сына.

— Что с тобой, Володя? Ведь я... я только прошу... Если не можешь, не надо. Ты сам всегда охотно помогал мне.

— Не хочу, не буду... — не сдерживая накопившихся слёз, отвечал Володя. — Ребята играют, а я... И учиться больше не пойду в школу...

Он отбросил свои костыли и на одной ноге добрался до кровати, повалился и, закрыв лицо подушкой, заплакал.

Мама подошла к нему, положила руку на его плечо:

— Володя, я понимаю... Я всё понимаю... — сказала она.— Но подумай, зачем же бросать школу?

— Мне всё равно не догнать...

— Георгий Евгеньевич говорил, что у тебя хорошо идут дела, что ты догонишь ребят... Куда же ты думаешь, если не учиться?

— К Антоше, в сапожную мастерскую...

Мать долго молчала.

— Ну, что ж... как знаешь... А мне хочется, чтобы ты учился в школе. Это труднее; но ведь ты же сильный мальчик? И папа — он очень хотел, чтобы ты учился, окончил институт. Помнишь его последнее письмо?

Володя повернулся к маме, глаза его были злыми.

— Помню. А что я сделаю? Папа не знал, что я буду калекой. Куда я теперь гожусь? Мясо через машинку пропускать? Давай, что ли...

— Нет, не надо, — сказала мать. — Я всё буду делать сама.

Она старалась казаться спокойной, но Володя видел, как было ей больно. И у него сжалось сердце.

Он снова отвернулся к стене, да так и заснул и не слышал, как Оленька прикрыла его маминым пальто, как подобрала его костыли и поставила к кровати.

В эту ночь Мария Павловна долго не могла уснуть. Что же сделать, как помочь сыну? После того, как отняли ногу, он плакал в первый раз. Конечно, мальчику тяжело. Может быть, она сама отчасти виновата: позволила Володе выполнять много работы по дому. Он топит печь, поливает цветы, стирает пыль с вещей, играет с Оленькой,— да мало ли... «Да, я слишком положилась на его силы. Володя ещё ребёнок. Надо освободить его от всех домашних дел, пусть только учится».

Утром Володя был молчалив. Плотно сжатые губы, прикрытые длинными ресницами глаза, румянец на впалых щёках — всё говорило о том, что он плохо спал. Одевшись, чтобы пойти в школу, он сказал:

— Мама, вчера... — Его голос слегка дрожал. — Я не хотел обижать тебя...

— Ничего, ничего... Я понимаю, — тронутая искренним признанием сына, сказала Мария Павловна. — Я хочу спросить... Так как ты думаешь, учиться или в сапожную?

— Сам не знаю. Учиться хочу, в школе. Только там труднее.

— Я думала об этом, — сказала мать. — Я хочу уволиться с завода. Ты ничего не будешь делать по дому. Проживём на пенсию.

Володя нахмурился.

— Ты не рад?

— Чего хорошего! — вскинул он на мать сердитые глаза.— Я буду учиться, а ты для этого уволишься с работы? Это зачем?

В нём заговорила мальчишеская гордость. Как, за ним, точно за маленьким, будет ухаживать мать? На руках носить?

— Нет, не хочу,—сказал он обиженно и вышел из комнаты.

Прошло несколько дней.

Георгий Евгеньевич, классный руководитель шестого «А», в котором учился Володя, видел, что мальчик чем-то озабочен, что-то беспокоит его: то он отвечал невпопад, то был раздражителен, то смеялся как-то неискренно. Однажды, когда в классе никого не было, он спросил у Володи, что с ним такое происходит.

— Да ничего, Георгий Евгеньевич, — уклончиво ответил Володя.

— А мне кажется... Тебя что-то беспокоит.

Володю беспокоила одна мысль: почему это он стал думать о поступлении в сапожную мастерскую? Антоша поманил: «Там — легче... Тебе не догнать товарищей...»

Вздор! Всё зависит только от себя, от своей настойчивости. Он догонит товарищей. Несколько дней назад он на четвёрку написал изложение. С помощью Виталия Обудовского и Юры Слесарева он и по алгебре, и по геометрии уже многое выучил из того, что пропустил. До позднего вечера горит огонёк в его комнате; по утрам он встаёт иногда раньше мамы: читает, решает задачи, пишет упражнения... Вчера Борис Александрович провёл с ним отдельно контрольную работу по алгебре, завтра-послезавтра принесёт проверенную...

А дома он не захотел помочь маме... Это уж совсем нехорошо. Как только у него язык повернулся сказать такое!

Володя шёл всё быстрее и быстрее.

* * *

Борис Александрович проверил контрольную работу и, отдавая её Володе, сказал:

— Хорошая работа. Всё сделано правильно, объяснено вер-

но. Ты можешь догнать товарищей по математике к концу третьей четверти...

Это была первая работа по алгебре, за которую после операции Володя получил пятёрку. Юра Слесарев радовался за друга, кажется, больше, чем сам Володя.

— Пойдём на каток? — предложил он Володе.

— Да куда же я... с одной-то ногой!

— Пойдём, на одном коньке. Возьмём тебя под руки — и пошёл!

Володя катался в этот день до вечера. Домой он пришёл румяный, весёлый, довольный; долго играл с Оленькой в «магазин», помог маме и мясо на машинке провернуть и картошку почистил.

Вечером он сказал маме.

— Ты, мама, вот что... и не думай уходить с завода... Проживём.

Дни бежали быстро. Уже начались весенние каникулы. Как-то Володя сказал маме:

— Я надумал одну вещь, мама. Пришей мне вот такую петлю к левому плечу фуфайки...

— Зачем тебе?

— Надо. Сделай, пожалуйста.

Пока мать пришивала большую крепкую петлю к фуфайке, Володя, взяв коромысло, вышел на двор, под навес, где всё ещё стоял верстак, за которым любил иногда поработать отец. Из толстой проволоки Володя смастерил крючок, буравчиком провернул небольшое отверстие. Он и не заметил, как подошёл Антоша Бочкарёв.

— Здравствуй, мастер-ломастер,— подавая по-взрослому руку, поздоровался с ним юный сапожник.— Что поделываешь?

Володя взглянул на него и удивился. Антоша был совсем другой: в пальто с цигейковым воротником, лицо чисто вымыто, волосы аккуратно забраны под кепку. Но голос его был невесёлый, а глаза печальны. Присев на толстое полено, он искоса посматривал на то, как Володя прибивал к коромыслу крючок. Володя рассказал ему школьные новости. Антоша выслушал их рассеянно.

— Знаешь что... У тебя нет лишней грамматики, а?

— А тебе зачем? Ведь ты не любишь всякие там суффиксы и приставки?

— Видишь ли, какое дело... Мастер у нас — человек начитанный, строгий. Он говорит, что сапожник должен быть в своём деле артистом, и вообще... культурным человеком. Он велел мне учиться в вечерней школе.

— О, хорошо! — обрадовался Володя.— Это дело.

— Так у меня учебников нет...

— Достанем. Если хочешь, мы тебе поможем и по русскому, и по математике.

— Ну, да... А как же... — широко улыбнулся Антоша Бочкарёв.

Закончив с коромыслом, Володя сходил домой и вышел оттуда в фуфайке.

— Так... Правильно...— осмотрев петлю на плече, сказал он.— Теперь, Антоша, помоги-ка мне. Я сейчас буду учиться... Начнём вот здесь, на дворе.

* * *

Однажды на уроке литературы в пятом классе Георгий Евгеньевич попросил Тиму Князева передать своими словами содержание рассказа Валентина Катаева «Флаг». Тима Князев, маленький, толстенький, остроглазый, черняввенький мальчуган, таратора и непоседа, встал и сказал, что урока он не знает.

— Почему?

— Не выучил. Учил, да очень трудно.

— Вот оно что! «Очень трудно»? — рассердился Георгий Евгеньевич. — Закрыл книгу и побежал на улицу, так? Да?

— Так...— пролепетал Тима.

— Какой же ты ученик? У тебя нет ни капельки мужества.

Это очень обидело Тиму Князева.

— Как это — нет мужества? — сверкнул он глазами.— Почему вы так думаете?

— Потому что ты не захотел преодолеть первой же маленькой трудности, не выучил урок, который показался тебе трудным.

— Мужество... — насупился Тима. — Какое там мужество в школе? Мужество — это вот Олег Кошевой, Александр Матросов. Мужество на фронте. А мы, ребята, учимся. Где уж тут быть мужеству? Эх, вот бы в Корею!

Пока Тима говорил, Георгий Евгеньевич смотрел то на него, то в окно. За окном был сырой, холодный день. Ветер гнал по небу чёрные косматые тучи. Падал снег и тут же таял.

— Посмотри, Тима, на улицу,— сказал Георгий Евгеньевич.— Что ты видишь?

— Дома, улицу... снег...

— А ещё? Зорче смотри.

— Да ничего.

— А кто вон там, далеко, идёт от колонки?

— Володя Лебедев.

— Да, это он. Видишь, несёт на коромысле два ведра воды, а сам опирается на костыль. Ученик шестого класса... Недавно он задумал было бросить школу, пойти в сапожную мастерскую. Конечно, ему нелегко. Но он отказался от этого желания. В учёбе он догнал товарищей. Он никогда, ни разу не жаловался, что ему трудно. Чтобы больше помогать матери по дому, он сам изобрёл коромысло с крючком. Так научился он носить воду. Разве всё это не мужество?

Тима Князев опустил глаза. Ему было неловко.

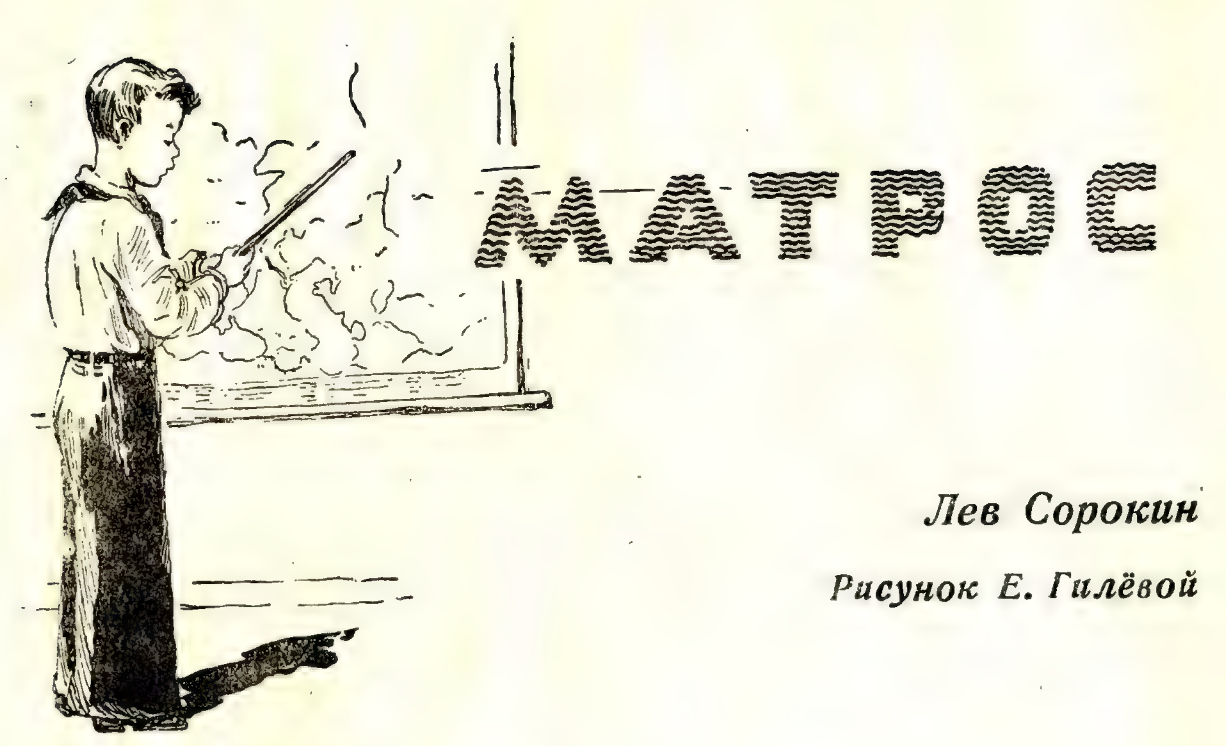
Лев Сорокин *Рисунок Е. Гилёвой*

Папа сказал,
Что нельзя уважать
Тех, кто не хочет
Учиться на пять!

Брат мой за смену
Две нормы даёт —
Больше машин
Выпускает завод.

Служат на пять
И солдат, и моряк,
Чтобы опять
К нам не сунулся враг.

Как же в учёбе
Мне отставать!
Трудится Родина наша
На пять!

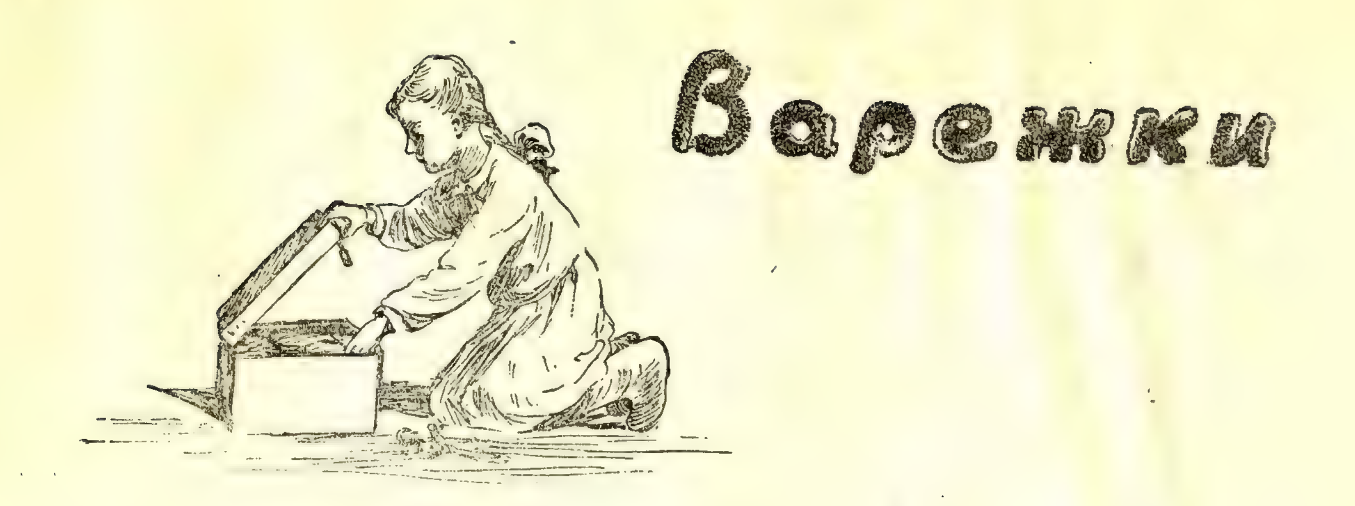

МАТРОС

Лев Сорокин

Рисунок Е. Гилёвой

Вперевалку
каждый раз
Мой товарищ входит в класс.
Он, конечно, не матрос,
До матроса не дорос,
Но мечтает о морях,
О морях и кораблях.
Говорят ему:
— К доске
Выходи быстрее!
Сжал указку он в руке
И стоит, краснея.
Моря Чёрного матрос
Не нашёл на карте,
Не ответил на вопрос,
Тихо сел за парту.
А мечтает о морях,
О морях и кораблях.
Ну, какой же он матрос,
Не ответил на вопрос!

Варежки

Б. Дижур *Рисунки Е. Гилёвой*

Вера жила в Тагиле вдвоём со старой бабушкой, там у них был небольшой одноэтажный домик на три окна с палисадником и огородом.

Когда умерла бабушка и выяснилось, что у Веры на всём белом свете нет никого родных, соседи устроили девочку в детский дом.

Было ей одиннадцать лет. Худенькая, высокая, с тонкими льняными косичками и высоко поднятыми бровями, малоразговорчивая и не по годам серьёзная, она с первых же дней обособилась от коллектива.

Девочки, жившие в одной комнате с Верой, не взлюбили её.

— Потому что она жадина! — объясняла Люда Славина воспитательнице.

— Всё ей жалко. Не то, что ленточку какую, а резинку в классе не выпросишь...

Вера привезла с собой небольшой деревянный чемодан. Никакие уговоры не могли заставить девочку сдать его в кладовую. Чемодан стоял под кроватью и давал повод к беспрерывным насмешкам.

Но Вера молча сносила самые обидные и злые шутки. Как это ни больно, но расстаться с чемоданом ещё больнее! Там, сложенные аккуратной стопкой, лежат милые сердцу вещи: кашемировый бабушкин полушалок, красные шерстяные носки,

несколько носовых платочков, обвязанных цветным шёлком, нарядное платье с великолепными плиссированными оборками.

Вскоре по приезде в детский дом Верин чемодан обогатился новыми вещами.

Как и всем воспитанникам, Вере выдали синие тёплые варежки с голубой полоской и такой же шарф.

Однажды на прогулке воспитательница Нина Тимофеевна увидела на Вериных руках серые варежки грубой домашней вязки.

— Разве ты не получила новых? — спросила Нина Тимофеевна.

— Получила, — просто ответила Вера.— Но я их поберечь хочу. Эти ведь тоже ещё не рваные.

Такая бережливость в одиннадцатилетней девочке удивила Нину Тимофеевну, а директор детского дома Ольга Ивановна, узнав об этом, рассмеялась:

— Забавная девчушка!

Но когда, в середине зимы, у большинства ребят сносились синие варежки и им были выданы другие, Вера спросила:

— А разве мне не полагается?

— Так ведь ты ещё свои из чемодана не вынула?..— рассердилась Нина Тимофеевна.

Присутствовавшая при разговоре Ольга Ивановна серьёзно посмотрела на Веру.

— Дайте ей, Нина Тимофеевна.

Нина Тимофеевна пожала плечами, но распоряжение директора выполнила.

Новая пара варежек также была убрана в деревянный чемодан. Он запирался висячим замком, а ключ от него, прикреплённый к розовой тесёмке, Вера носила на шее под сорочкой.

В конце февраля в детский дом прибыла новая партия детей.

— Верочка,— сказала Нина Тимофеевна,— случилось так, что на складе не осталось ни одной пары варежек. Может быть, ты поделишься своими запасами с новенькими девочками?

Вера густо покраснела. Даже её бесцветные брови стали пунцовыми.

— Я не для них берегла.

— Понятно! — Нина Тимофеевна кивнула головой.— Но что сделаешь! Так уж получилось. Да и зима скоро кончится. Тебе ни к чему три пары. А на будущий год новые получим...

Вера вздохнула и, сняв с шеи розовую тесёмку, направилась к чемодану.

— Сначала выдадут, а потом отбирают.

Она сердито положила перед Ниной Тимофеевной две пары варежек: синие с голубой полоской и коричневые со звёздочками.

Нина Тимофеевна укоризненно посмотрела на Веру:

— Никто у тебя не отбирает. Просто, я думала, что ты пожалеешь новеньких девочек... В школу ходить далеко... Холодно без варежек...

— Она, как собака на сене... сама не ест и другим жалеет,— сказала Люда Славина.

— Скупой рыцарь! Вот она кто! — выкрикнул кто-то из ребят и тут же разъяснил:

— Книжка такая есть про скупого рыцаря...

Нина Тимофеевна ушла, оставив варежки на столе. Но и Вера не посмела убрать их обратно в чемодан.

Вечером пришла в гости Ольга Ивановна.

Ребята любили эти вечерние часы, когда уже подготовлены уроки к следующему дню, убрано помещение интерната, выполнены все задания по дому и можно посидеть за хорошей книгой, послушать радио или поиграть в какую-нибудь тихую игру.

Но больше всего радовались ребята, если в такой вечер приходила к ним Ольга Ивановна. Она снимала в передней пальто, стряхивала снег с пуховой шали и приглаживала ладонью выбившиеся прядки волос.

— Гостей принимаете? — спрашивала она, широко улыбаясь.

— Принимаем! Принимаем! — кричали ребята.

Ольга Ивановна усаживалась поближе к печке и в ту же минуту обрастала плотным кольцом ребят. Те, кому удавалось сесть поближе,— весь вечер чувствовали себя счастливыми. Другие старались пристроиться так, чтобы хоть рукой касаться колен или пальцев руки Ольги Ивановны. Она умела рассказывать забавные истории и при этом сама хохотала громче всех.

Но сегодня Ольга Ивановна была молчалива.

Она обняла сидящего рядом с ней мальчика и задумалась.

— Ольга Ивановна! Расскажите что-нибудь...— попросили ребята.

— Хорошо,— сказала Ольга Ивановна,— я расскажу вам про одного старичка. Он жил в той деревне, откуда моя мать родом. От неё я и слышала эту историю.

Жил-был старичок-Мудрячок. Звали его так потому, что он считал себя очень умным и думал, что правильно жить умеет.

— Смотрите на меня! — хвастался он.— Я ни в чём нужды не знаю. А всё почему? Потому что умею жить! Вы вот норовите калач испечь и сегодня же его съесть. А я нет! Я вчерашнюю корочку в похлёбке размочу, а калачик приберегу. Или взять, к примеру, одежду. Вы думаете, у меня нет нового пиджака? Приходите, покажу. Но зачем я его таскать за всё про всё буду. Пускай в сундуке полежит. Целее будет.

Кладовые у Мудрячка были полным-полны.

— Вот какой Мудрячок-старичок! — восхищались соседи:— умеет жить!

Только один сапожник Михайло смеялся над Мудрячком:

— Для кого ты всё это бережёшь?

— Про чёрный день,— отвечал Мудрячок.

И вот наступил чёрный день. В том краю случился неурожайный год. Мало собрали хлеба, и люди голодали.

— Пойдём к нашему старому соседу, к Мудрячку... У него всякой еды полно. Он нас выручит,— говорили соседи Мудрячка.

Только сапожник Михайло смеялся:

— Как же, дожидайтесь! Не на такого напали!

Так и случилось. Мудрячок даже ворот не открыл.

— Что вам надо?! — кричал он.— Я не для вас хранил! Я про чёрный день!

— Посуди же, у нас уже наступил чёрный день.

— Выручи...

— Не дай умереть детям...

Так просили соседи.

Мудрячок направился в свои кладовые. Но когда он увидел мешки с мукой, красиво выстроившиеся в ряд, бутылки с маслом и мёдом, блистающие в углах, целые вороха сушёной рыбы, гирляндами развешенные на бечёвках, ему стало мучительно жаль нарушить эту великолепную картину.

Он быстро запер амбар и подошёл к воротам.

— Уходите скорее! — крикнул он.— У меня ничего нет для вас!

Соседи потоптались ещё некоторое время у закрытых ворот и угрюмо пошли обратно.

— Вот ведь беда...— задумчиво сказал самый старый из всех, кто ходил к Мудрячку.

— Не прокормиться ведь нам семьёй одной капустой...

— А много ли её наквашено? — спросил Михайло.

— Да бочонка три...

— А я нынче грибов насушила порядочно. Так ведь одни грибы есть не станешь...— сказала молодая красивая женщина, которую все звали Улюшка.

— А у нас мамка толчёной брусники припасла... — сказал белобрысый мальчуган, который вместе со взрослыми ходил на поклон к Мудрячку.

А сапожник Михайло шёл позади всех и прислушивался к разговорам. Вдруг он хлопнул себя по лбу и громко рассмеялся.

— Ох, и славное я придумал! Послушайте! Давайте-ка сделаем так. Пусть каждый принесёт всё, что у него есть. У кого капуста, у кого рыба, а там может, гороху наскребётся или крупы какой. Не придётся тогда дедушке одной квашеной капустой питаться, а Улюшке одними грибами.

— Ну, конечно,— обрадовались соседи.

На следующее утро все собрались у Михайлы во дворе, и каждый тащил всё, чем был богат. Ни крупинки, ни зёрныш-

ка не утаили соседи друг от друга, и столько набралось всякой еды, что прожили они эту зиму, хоть и не очень богато, но и не голодно.

Никто не умер и даже не заболел.

Новое урожайное лето принесло много хлеба, мёда и овощей. Никто теперь не нуждался в помощи Мудрячка.

После того случая, когда он отказался помочь своим соседям, все отвернулись от него. Никто не хотел больше слушать его мудрых советов и учиться у него жить.

А Мудрячок между тем тяжело заболел. Он лежал среди своего богатства, беспомощный, одинокий, и жалобно причитал:

— Хоть бы кто попроведал...

Однажды он, держась за стенки, доплёлся до окна и крикнул проходящему мимо мальчугану:

— Эй, ты, малыш! Пойди по деревне, постучи под окошками, скажи: Мудрячок просит, бога ради, пусть кто-нибудь зайдёт к нему.

Мальчик побежал в соседний двор.

— Тётенька, Мудрячок зовёт...

Но тётенька только плечами повела:

— Есть у меня время! Картошка неокученная стоит... в поле работы полно... Нет уж...

Мальчик пошёл в другой двор, но там не было никого из взрослых — все ушли в поле работать. Так обошёл он все дворы на этой улице, перебрался на следующую и ещё на следующую, пока не осталось ни одного двора, где бы он не побывал. Но везде было пусто. Народ работал в поле. Дома оставались лишь самые маленькие дети да кошки.

Только на самом краю деревни мальчик застал хозяйку. Это была старая бабка, которая уже совсем не могла работать в поле, и поэтому сидела дома и вязала чулки ребятишкам.

— Бабушка, тебя Мудрячок зовёт...

— Подумай-ка, — удивилась бабка, — на что это я ему понадобилась?

— Не знаю,— ответил мальчик и, помолчав, добавил:— жалобно так просил...

— Не иначе, стряслось с ним что-нибудь...— сказала бабка и кряхтя поднялась с места.

— Сходить придётся. Он хотя и не помог людям в чёрную годину, а всё равно сходить придётся...

Но бабка была так стара и так медленно двигалась, что пока она дошла до избы Мудрячка, тот успел умереть.

Вечером, после трудового дня, собрались соседи потолковать о случившемся:

— Вот вам и Мудрячок! Перемудрил! — сказал Михайло. — Всё других учил, а сам и не знал, как жить надо... от народа отделился. Мудрячок!

Ольга Ивановна замолчала.

— Ну, а теперь и спать пора... — тихо произнесла она.

Ребята нехотя вставали со своих мест.

— Так ведь это про нашу Веру! — вдруг громко сказала Люда Славина.

— При чём тут! — недовольно шепнула Нина, отличавшаяся тем, что всегда жалела и брала под свою защиту всех обиженных.

— Очень даже при чём! — вступил в разговор мальчик, назвавший утром Веру скупым рыцарем.

— Сегодня варежки не хотела дать, а завтра хлеба голодному пожалеет.

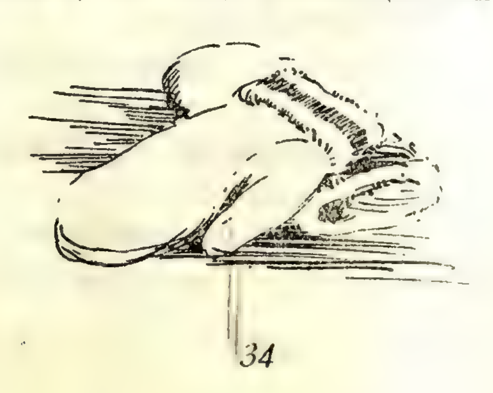
— Неправда! — звонким, дрожащим голосом сказала Вера, — неправда!

Она поморгала бесцветными ресницами и вдруг, уткнувшись в спинку стула, горько заплакала.

Ребята молча разошлись по спальням.

Вера улеглась последней.

Долго в эту ночь она не могла уснуть. Перед глазами всё время возникали варежки, синие с голубой полоской и коричневые со звёздочками, всё ещё лежащие на столе.

Тётя Даша

Е. Покровская

Рисунки Е. Гилёвой

В аккуратном синем платье,
В чисто вымытом халате,
В светлом легоньком платке,
С тряпкой, с веником в руке,
Кто идёт по школе нашей?
Ну, конечно, тётя Даша,
А за поясом у ней
Связка шумная ключей.
Весёлая компания
Минутки не молчит.
Весёлая компания
Шумит, гремит, бренчит.
Пять часов часы пробили,
Спят ребята в этот час,
Но уже давно открыли
Для уборки каждый класс.
Тётя Даша обметает пыль со стен и потолка,
Окна тряпкой протирает,
Губкой вымыта доска.
Парту Воинкова Саши
Вытирает тётя Даша.
Что за парта? Что за срам?
В ней натолкан всякий хлам:

Здесь конфетные бумажки
И обрывки промокашки,
В кляксах грязная тетрадь,
Перьев сломанных штук пять.
Голубей бумажных белых
Здесь ночует целый рой,
К потолку весьма умело
Их пускает наш герой.
Тётя Даша в возмущенье,
А ключи в большом волненье
Прошептали очень внятно:
«В этом классе, вероятно,
Не работает давно
Санитарное звено!»
Вот закончена работа,
Чистотой сияет класс.
Сколько ласковой заботы
Окружает в школе нас!
Вот какая тётя Даша
Есть, ребята, в школе нашей!
Труд её велик и важен
Для больших и малышей.
Так от всей души мы скажем
От ребят — спасибо ей!

Е. Покровская *Рисунок М. Засодчикова*

Мама Оле говорит:
— Пол у нас три дня не мыт.
После школы вымой пол,
Накрывай потом на стол.
Не забудь за хлебом сбегать,
В три часа придём обедать.
— Не могу! — сказала Оля,—
Задержусь сегодня в школе:
Обсуждает наш отряд
Поведенье двух ребят.
Не хотят Наташа с Петей
Дома мамам помогать,
И на сборе Нату с Петей
Буду я критиковать.
Выступает Оля с жаром,
Критикует всех подряд.
Говорят, её недаром
Уважает весь отряд.

Говорит она, что стыдно
Не уметь стирать и печь,
Что родителям обидно,
Если сил их не беречь.
Вот домой приходит Оля
На диван летит портфель,
И костюм отличный школьный
Снят и брошен на постель.
За обед она садится.
Оле надо торопиться:
В пять часов концерт в саду
И катанье на пруду.
И маме нужно уходить.
А кто ж посуду будет мыть?
Кто угодно, но не Оля,
Дел и так у ней довольно,
Ждёт в саду её давно
Всё четвёртое звено.
Оля, роясь в шифоньере,
Говорит: — На пионере
Всё должно быть аккуратным,
Очень чистым и опрятным.
Но в шкафу нет чистых платьев,
В чём теперь пойду гулять я?
Я ж вожатая звена,
Я примером быть должна!
— Да, действительно, беда, —
Говорит отец сердито,—
Есть и мыло и вода,
А в углу стоит корыто.
Прежде чем идти гулять,
Нужно платья постирать!
— После, папа, не теперь,—
Упорхнула Оля в дверь.

Весь отряд сегодня в сборе,
Все столпились в коридоре

Возле новой стенгазеты
С нарисованным портретом.
А портрет-то как хорош!
И на Олю как похож!
Только что же это значит?
Почему же Оля плачет?
Не ответит ли на это
Подпись под её портретом?
«Звеньевая Иванова
Критикует всех сурово,
Но прежде чем критиковать,
Ей самой бы не мешало
Для ребят примером стать!»
Да, повсюду и везде,
И в ученье и в труде,
Всем вожатая звена
Подавать пример должна!

★

Ребята! С этого номера нашего альманаха мы будем рассказывать вам о наиболее интересных работах свердловских художников. Сегодня вы познакомитесь с картиной Николая Чеснокова «Бабушка и внуки»

КАРТИНА Н. ЧЕСНОКОВА «БАБУШКА И ВНУКИ»

...Уютная комната. Солнце, которое смотрит в небольшое окно, заливает её мягким рассеянным светом. За столом у окна сидит бабушка. Она что-то шьёт и, оторвавшись на минуту от работы, с ласковой улыбкой смотрит на дорогих внучат, которые готовят уроки. Девочка решает, видимо, трудную задачу: лицо её сосредоточено, брови чуть сдвинуты.

Труд художника не легок. Он требует терпенья, настойчивости, высокой культуры, знания жизни.

Задумав картину, художник изучает жизнь, собирает необходимый ему материал. Без этого нельзя создать подлинное произведение искусства.

Тему для своей будущей картины художник нашёл у себя дома, в своей семье. Он так рассказывает об этом: «Бабушка очень любит подсесть с какой-нибудь работой к столу, за которым её внуки учат уроки. Сидит, шьёт или вяжет, поглядывает на ребят и вспоминает своё тяжёлое детство. Ей не пришлось учиться, с малых лет она должна была зарабатывать себе на хлеб. Вот это противопоставление двух жизней я и решил сделать сюжетом моей картины «Бабушка и внуки».

Вначале незаметно для окружающих художник наблюдал за ними, стараясь уловить наиболее характерные их жесты. Затем пытался нарисовать всю сцену по впечатлению. Когда это в какой-то степени удалось, начал работу непосредственно с натуры: он рисовал то отдельные фигуры, то, усадив «натурщиков» вместе, рисовал их всех.

Н. Чеснокову долго не удавалось найти правильное решение композиции, убедительно раскрывающей его замысел. Разместить ли героев там, где они обычно сидят за столом, то есть посредине комнаты, или сознательно отнести всю сцену ближе к свету?

Наконец, после долгих поисков, упорного труда приходит удачное решение: внуки сидят за столом, освещённые льющимся из окна светом; бабушка изображена в тени, только слабый свет изнутри комнаты освещает её фигуру.

Однако найденное решение не означало конца работы. Много трудностей было в поисках колорита — то есть красочного строя полотна. На работу над эскизом ушла зима 1950—1951 гг. Картина была с успехом показана на Республиканской художественной выставке 1951 года.

Сейчас Николай Чесноков думает о новых работах, радостных и красочных, созвучных нашей счастливой жизни.

Кандидат искусствоведческих наук
Б. Павловский

БАБУШКА И ВНУКИ *Н. Чесноков*

Борискины неприятности

Н. Тимофеева *Рисунки Е. Гилёвой*

Бывает же так, что в один какой-нибудь день на человека сыплется одна неприятность за другой, и он ничего не может поделать...

Началось всё с котёнка, рыженького, пушистого котёнка, принадлежавшего буфетчице тёте Соне. Должно быть, он от природы был бродягой и вместо того, чтобы лежать и греться у тёплой печки, без памяти носился по коридорам, задрав кверху тоненький прямой хвостик.

Никто не видел, как Пуська появился в классе, как уцепился своими остро отточенными коготками за подоконник и повис, раскачиваясь, над свободной партой, что стояла у самой дальней стены. Присутствие котёнка обнаружил в перемену дежурный. И, конечно, все девчонки завизжали от радости, бросились обнимать и целовать этого рыжего заблудшего котишку, а он, отчаянно мяукая, старался вырваться и удрать из класса.

Тогда Борис отобрал котёнка у Наташи Ведерниковой и сунул Пуськины лапки в чернилку. Котёнок фыркнул, негодующе затряс мордочкой и что было сил начал отряхиваться. Во все стороны полетели фиолетовые чернильные брызги, и тотчас же беленькое смеющееся личико Наташи Ведерниковой покрылось безобразными лиловыми веснушками.

Котёнок фыркал и сердито помахивал мордочкой, а чернильные пятна на Наташином лице расплывались всё сильнее

и сильнее. Наташа уже не улыбалась. Ресницы её дрожали растерянно и беспомощно, и крупные, как горошины, слёзы скатывались на тетрадь...

С великим смущением наблюдал Борис за происходящей сценой. Разве знал он, что котёнок забрызгает Наташу?.. Не сиди она за партой — всё обошлось бы благополучно... Надо сейчас же сказать, чтоб Наташа не сердилась и шла в умывальную. Пусть умоется как следует и платье постирает дома... Мало ли что случается.

— Ты что, хулиганить вздумал? Извинись сейчас же!..

Борис вздрогнул от неожиданности, вскинул высоко голову, сдвинул густые чёрные брови. Игорь Будников, стройный, в серой суконной куртке и брюках «гольф» мерил его с ног до головы холодным уничтожающим взглядом.

— Ну?.. Быстро извинись!

Бориска покраснел от негодования и, еле сдерживаясь, чтобы не закричать на весь класс, выпалил хрипло и приглушённо:

— Уж не перед тобой ли?

Тонкие брови Игоря стремительно взлетели вверх, серые глаза потемнели, враждебно сверкнули из-под густых длинных ресниц:

— А хотя бы и передо мной... Перед классом извинись, перед Наташей!

Голос Игоря звучал вызывающе и повелительно. Прислонившись к стене, небрежно скрестив на груди крепкие мускулистые руки, Игорь нетерпеливо постукивал ногой.

Борискины губы самолюбиво дрогнули: уж не думает ли Будников, что он, Борис Королёв, бросится исполнять приказание?.. Да пусть бы хоть кто-нибудь другой сказал такое... А то Игорь!..

Борис выбежал из класса. Конечно же, он и не подумал извиниться перед Наташей. Вот на зло Игорю не стал просить прощения — и всё! Подумаешь, указчик какой нашёлся... Бориска нисколько, ну нисколечки не уважал Игоря. С тех пор, как Будников отказался взять «на буксир» отстающих по немецкому, разве можно было иначе относиться к этому гордецу и кривляке?..

Когда прозвучал звонок и начался урок немецкого, Ольга Николаевна вызвала к доске Бориску. Она попросила его посмотреть на картинку, прикреплённую кнопками к стене, и объяснить, что он видит на картинке...

Бориска обернулся к классу. Ребята ободряюще кивали ему, и только Игорь презрительно щурил глаза, и в уголках его губ пряталась ехидная усмешечка.

Тогда Борис на зло Игорю не стал ломать голову над мудрёными немецкими фразами и сказал, что ничего не видит на картинке, так как ничего не понимает в немецких словах...

— Стыдно, Королёв! — сказала Ольга Николаевна.— Ведь ты класс назад тянешь...

Игорь вытянул за спиной два пальца, но и так всем было ясно, что Королёв опозорил пятый «Б».

В перемену произошёл скандал. Едва лишь кончился урок, как все ребята начали кричать, что так дальше продолжаться не может, что это очередной Борискин номер, что надо проучить задаваку...

— Рим-ма-а!.. Рим-му-уся!..

В коридоре послышалась возня и звонкий весёлый смех. Потом всё смолкло, и Бориска высунул голову из-за тяжёлого громоздкого шкафа.

За стеклянной дверью, ведущей на лестничную площадку, мелькнули и скрылись коричневые платьица и развевающиеся косички.

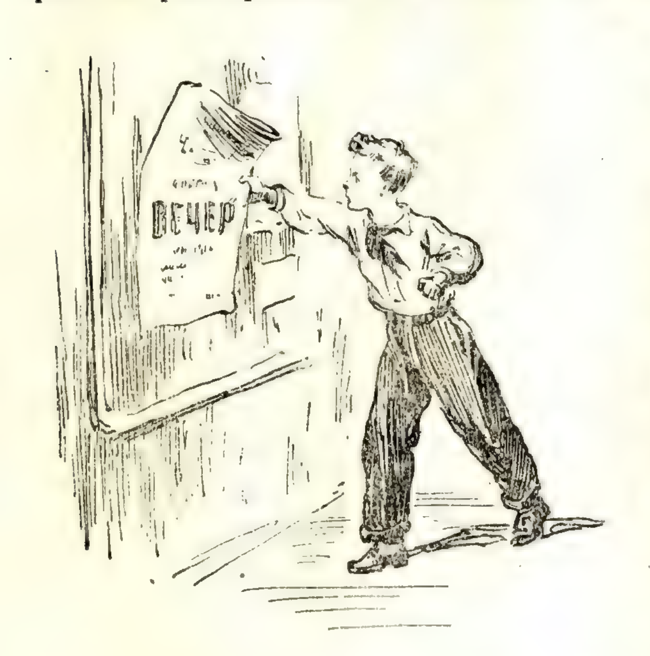
Раздумывать было некогда: девочки могли каждую минуту вернуться назад. Быстро ощупывая карманы и дожёвывая сладкий кусок булки, захваченный второпях в буфете, Борис осторожно выбрался из-за прикрытия и решительно направился к лестничной площадке.

Объявление висело на том же месте, что и утром, возле коричневого шкафчика с огнетушителем. Цветные буквы — красные, голубые, лиловые — весело разбегались во все стороны и поддразнивали и толкали на отчаянный шаг.

Пошарив в своих необъятных карманах, Борис вытащил перегоревшую спиральку от электрической плитки, кусок про-

вода, три медных гильзы и старый перочинный ножик с заржавленным и поломанным лезвием.

Спиралька и провод были бережно спущены обратно в карман, за ними последовали гильзы, а ножик Бориска аккуратно расправил и хотел провести лезвием по картону, но вдруг раздумал и изо всех сил рванул объявление: «Вот вам, получайте!»

Доска, на которой висела афиша, покачнулась. На пол посыпались штукатурка и гвозди. Бориска принялся лихорадочно совать в карманы обрывки бумаги... Он не слышал, как наверху скрипнула дверь и кто-то начал спускаться по лестнице. Если бы Борис поднял голову, он увидел бы Игоря, прижавшегося к стене...

Но Борис ничего не видел и не слышал: он торопился, а когда поднялся с колен, на лестнице никого не было.

А на другой день не успел Борис снять пальто в раздевалке, как к нему, запыхаясь, подбежала маленькая толстенькая Римма Черниченко.

У Риммы тёмные глаза, пухлые губы и задорно торчащий на затылке пучочек жёлтых прямых волос, туго-натуго перетянутых зеленоватой, «цвета морской волны», как говорили иногда в шутку ребята, лентой.

Бориска ценил и уважал Римму за умение молчать, когда этого требовали обстоятельства, и удивительное самообладание. Если случалось, что кто-нибудь из ребят подставлял Римме «ножку», Римма не визжала, как другие девчонки. Она отстраняла рукой драчуна и спокойно продолжала прогуливаться с подружками по коридору.

Сейчас Римма взволнованно размахивала портфелем, и её полные губы были обиженно сложены в крошечный розовый бантик.

— Сознался бы ты лучше во всём, а? — участливо зашептала девочка.

— В чём? — удивился Бориска.

Тёмные Риммины глаза недоверчиво блеснули. Стараясь скрыть своё недоверие, Римма низко наклонила голову, и пучочек жёлтых волос дерзко и вызывающе устремился вверх.

— Думаешь, никто не знает про афишу?

Римма испытующе заглядывала в лицо Борису и всем своим видом умоляла сказать правду: чего уж тут скрывать, когда весь класс знает об этой истории.

Борискино лицо начало постепенно розоветь и вдруг вспыхнуло алым, нестерпимо знойным пламенем. Мелькнули и запрыгали перед глазами синие и красные буковки афиши...

— А при чём тут я?

Бориска хотел сказать это громко и решительно, но вызывающего тона совсем не получилось, и слова прозвучали удивительно тихо и невнятно.

— Во-первых, — Римма загнула пухлый коротенький палец, наклонила голову, и хвостик будущей косы снова упрямо полез вверх. — Во-первых, все ребята говорят, что ты... А во-вторых, тебе не разрешили пойти на утренник, ну и...

Стоять перед Риммой с малиновыми ушами и до боли закушенной губой было мучительно стыдно. Бориска хотел было сказать что-нибудь в своё оправдание, но рот его упрямо сжался. Защищать себя? Нет, уж лучше промолчать. Пусть Римма не подумает, что у Бориски вместо языка балалайка привешена...

— Я ведь только так спросила... А ты уж сейчас и рассердился!..

Римма обиженно вскинула голову, шмыгнула маленьким веснушчатым носиком и зашагала прочь по коридору, всем своим видом показывая, что Борис ничуть не убедил её в своей невиновности.

Бориска подошёл к окну. Здесь громко о чём-то спорили ребята.

— А кто хочет Фенимора Купера почитать?.. У меня есть «Последний из могикан»...

Бориска даже сам удивился, что голос его прозвучал так слабо и нерешительно. И странное дело, Борискины слова будто упали в какое-то безвоздушное пространство, и никто их не услышал... Ребята вдруг, словно по команде, отвернулись и сразу же заговорили о другом. Они болтали чересчур оживлённо и торопливо и не замечали Бориску, будто его тут и не было.

Бориска сделал вид, что ему совершенно безразлично такое отношение и вовсе не нужно, чтобы с ним разговаривали. Он призывно помахал рукой другу Саньке Платонову и с независимым видом направился к дверям класса. Но вместо того, чтобы броситься сломя голову за приятелем, как бывало прежде, Санька почему-то замешкался у окна и принялся внимательно изучать давно прочитанный номер стенгазеты.

Бориска стремительно направился в противоположный конец коридора, но у входа в класс снова оглянулся. Весь Санькин вид выражал величайшее смятение. Он ожесточённо грыз ногти, и его глаза беспокойно перебегали с ребят на друга и снова на ребят, пока, наконец, не задержались на Борискином лице. «Ничего, брат, не поделаешь... Как все, так и я», — прочёл Бориска в Санькиных умоляющих глазах и горько усмехнулся.

Как только в классе остались члены совета отряда и звеньевые, с места поднялся Игорь Будников. Он расправил на столе блокнот, не спеша полистал его и устремил взгляд больших светлых глаз куда-то поверх ребят:

— Как член совета отряда предлагаю исключить из отряда Королёва! Нам не нужны люди, позорящие звание пионеров.

Голос Игоря поднялся до высокой звенящей ноты и прозвучал властно и твёрдо:

— Тем, кто не хочет считаться с мнением товарищей, — не место в отряде!

— Факт, исключить! Правильно, Будников! — закричал худенький, юркий Гога Степанов.

Гогины сияющие глаза напряжённо и преданно следили за каждым движением Игоревой руки. Поминутно поправляя красный галстук, Гога усиленно кивал Игорю ершистой стриженой головой.

Одёрнув куртку со множеством карманов и складок, Игорь устало опустился на скамью.

— А я вовсе не согласна, чтобы исключать!..

Все обернулись и посмотрели на худенькую девочку с белокурыми косами.

— А тебя, Ведерникова, и не спрашивают... Ты ещё не понимаешь многого, — снисходительно улыбнулся Игорь.

— Исключать надо таких! — снова выкрикнул Гога.

— Каких это «таких»? — вспыхнула Наташа, и тоненький голосок её зазвенел сильнее.

— Забыла, как он тебя чернилами разукрасил? — насмешливо прищурился Гога.

Наташа гневно тряхнула головой и резким движением руки отбросила назад тяжёлые золотистые косы:

— Ну и пусть!.. А всё равно я не сержусь... Вовсе и не Королёв виноват, а я сама... Сам-то ты хороший?.. Скажи, хороший?

Карие Наташины глаза с упрёком остановились на Гоге.

Гога растерянно покосился на Игоря, потом опустил глаза и начал внимательно рассматривать свою ладонь.

Все знали, что в прошлом не было в школе парня с такой испорченной репутацией, как у Степанова.

— Хвост лисий — раз! — поддержала Наташу Римма Черниченко, загибая коротышку-палец. — Кто хвост лисий привязал сзади Королёву? Скажешь, не ты?..

— А горшки ребячьи, малышовые, из-под цветов кто взял? — не унималась Римма, нацелив пухленький палец на Гогин красный галстук, и чёрные глаза её буравчиками вонзались в Гогины голубые глазки, пытающиеся юркнуть под защиту светлых вздрагивающих ресниц.

Римма допрашивала зло и сурово.

На склонённую Гогину голову сыпался град обвинений. Наташа согласно кивала головой в такт Римминым словам, и при каждом её движении маленький солнечный лучик сколь-

зил по пушистым завиткам Наташиных волос, потом прыгал обратно на стену и замирал, выжидая.

— Как редактор стенной газеты я хотела бы знать, что сделал класс, чтобы помочь Королёву исправиться, — строго сказала Римма. — Прошу членов совета отряда ответить на мой вопрос...

— Меня удивляет твоя наивность, Черниченко! — тонкие брови Игоря укоризненно поднялись вверх, губы изогнулись в презрительной усмешке.— Разумеется, класс пытался оказать помощь Королёву... Бойкот-то ведь ему при тебе был объявлен.

И сразу же в классе поднялся такой шум, что Игорь яростно застучал по столу карандашом. Но всё равно шум становился сильнее и сильнее.

— А что это такое бойкот?..

Вопрос прозвучал неожиданно и почти весело.

Игорь оглянулся, лицо его покрылось красными пятнами: в дверях стоял учитель геометрии Сергей Иванович и чуточку улыбался серыми насмешливыми глазами.

— Видите ли, Сергей Иванович... Мы решили прекратить всякое общение с Королёвым в знак протеста против его поведения!

Эту длинную трудную фразу Игорь произнёс отчётливо, красиво округляя каждое слово и делая ударения на нужных слогах.

— Ничего не понимаю, — весело сказал Сергей Иванович. — Ну-ка вы, Черниченко, объясните, что случилось...

Римма подумала-подумала и начала издалека:

— Сами знаете, Сергей Иванович, как интересно всегда бывает на наших утренниках. Мы и на этот раз хорошие номера приготовили... Ну и вот, а Королёв взял да и сорвал афишу... Это потому, что ребята «войну холодную» ему объявили и на утренник не разрешили пойти... Будников сам видел, как Королёв афишу срывал...

Учитель пристально посмотрел на Игоря. Игорь почему-то смутился и опустил глаза.

— А может быть, Королёв жалеет о случившемся, — сказал вдруг Сергей Иванович.—А вы хотите исключить его из отряда...

— Значит, мы должны простить Королёву его поступки? — возмутился Игорь.

— Прощать плохое никому не следует, — спокойно ответил Сергей Иванович. — Но помогать освобождаться от всего дурного нужно... Вот вы, Платонов, — повернулся учитель к Саньке, который, неестественно улыбаясь, одёргивал куртку, — вы дружите с Королёвым, вы и живёте-то на одной улице... Где же сейчас ваш друг? Почему его нет в классе?..

Санька то бледнел, то краснел под испытующим взглядом учителя и всё пытался спрятаться за Наташину спину.

— Давайте-ка, ребята, поможем Королёву снова стать хорошим пионером, — сказал Сергей Иванович. — Это ведь гораздо труднее, чем взять да исключить его из пионеров...

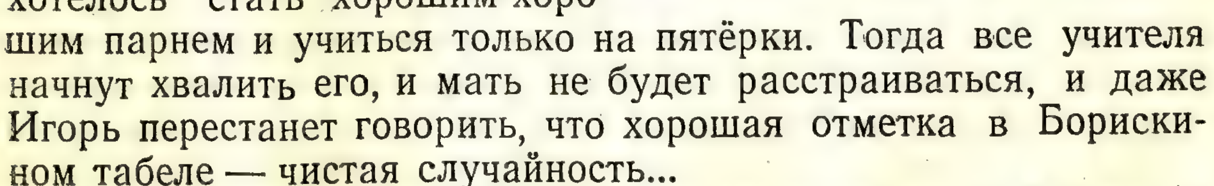
— Правильно! Правильно! — захлопала в ладони Наташа. — Давайте, поможем... А как мы это сделаем?

Утром Бориска проснулся рано-рано и ещё глаза не протёр, а уж вспомнил, что у него сегодня день рождения, и скорей руку протянул к стулу, что стоял возле самой кровати...

Раньше, когда у Бориски всё хорошо шло в школе, мать клала подарки на этот стул, а жив был отец — и он что-нибудь да приносил сынишке в день рождения. Но то было раньше... Сейчас стул стоял пустой.

Из кухни доносился стук ножа и звон тарелок. Бориска прислушался, и ему вдруг захотелось стать хорошим-хорошим парнем и учиться только на пятёрки. Тогда все учителя начнут хвалить его, и мать не будет расстраиваться, и даже Игорь перестанет говорить, что хорошая отметка в Борискином табеле — чистая случайность...

Вспомнив об Игоре, Бориска нахмурился и, собираясь в школу, уже не думал о том, что в первое же воскресенье покажет матери дневник с одними четвёрками. И когда шёл в

школу, настроение было отвратительное. При таком настроении человеку необходимо поговорить с кем-нибудь, излить душу: может, и легче станет, может, решение придёт быстрее...

У самой школы Бориска замедлил шаг и с тоской посмотрел на маленьких взъерошенных воробьишек, хлопотавших у небольшой мутной лужицы. Воробьишки шумно радовались весне, возбуждённо щебетали о своих птичьих делах и косо поглядывали на Бориску.

Носком сапога Бориска прокопал в рыхлом снегу канавку и выпустил из лужицы всю воду. Воробьи рассерженно загалдели и, ругая обидчика, упорхнули шумной оравой на ближайшее дерево.

Бориска в раздумье прислонился к забору и оглянулся. Повсюду бежали струйки талой воды, звенели ручьи. Жарко пригревало весеннее мартовское солнце.

Чтобы подольше постоять у подъезда, Бориска завёл разговор с чистильщиком сапог, который устраивался со своими щётками на освободившемся от снега тротуаре.

В школу идти не хотелось...

И может сегодня пропустил бы Бориска уроки, да вспомнилось ему усталое лицо матери с сеточкой тоненьких морщинок около глаз. Нехотя приоткрыл Борис противно заскрипевшую дверь и нерешительно остановился в коридоре. У раздевалки, заложив руки в карманы щеголеватых «гольфов», прогуливался Игорь Будников. Видно было, что Игорь кого-то поджидал: он хмурился и нетерпеливо посматривал на часы.

Бориска хотел гордо пройти мимо. Но случилось невероятное. Игорь, надменный Игорь направился сейчас прямо к нему. Вместо того, чтобы свернуть в сторону, он загородил Бориске дорогу:

— Здравствуй, Королёв!.. Ты почему вчера не был?

Тонкие, едва-едва намеченные брови Игоря дрогнули, серые глаза блеснули совсем по-особенному, тепло и дружелюбно.

Бориска растерянно покосился на Игоря и... почему-то тоже улыбнулся. Противно было самому, что стоит в коридоре и улыбается. И кому? Врагу своему ненавистному!.. Надо было бы вырвать руку из горячих Игоревых ладоней и, твёрдо чеканя шаг, пройти мимо...

Но Бориска всё ещё стоял в коридоре, и сурово сжатый Борискин рот всё шире и шире расплывался в смущённой нерешительной улыбке.

— Ур-ра! Помирились!.. Ур-р-а-а!..

По коридору стремительно неслась шумная ватага пятиклассников, возглавляемая неугомонной Риммой Черниченко. Прежде чем Бориска успел опомниться, ватага налетела на него и загалдела, засмеялась, закричала, да так громко, что пришлось даже руки прижать к ушам. Перебивая один другого, ребята говорили, что он, Бориска, обязательно исправит двойку по немецкому и Игорь поможет ему.

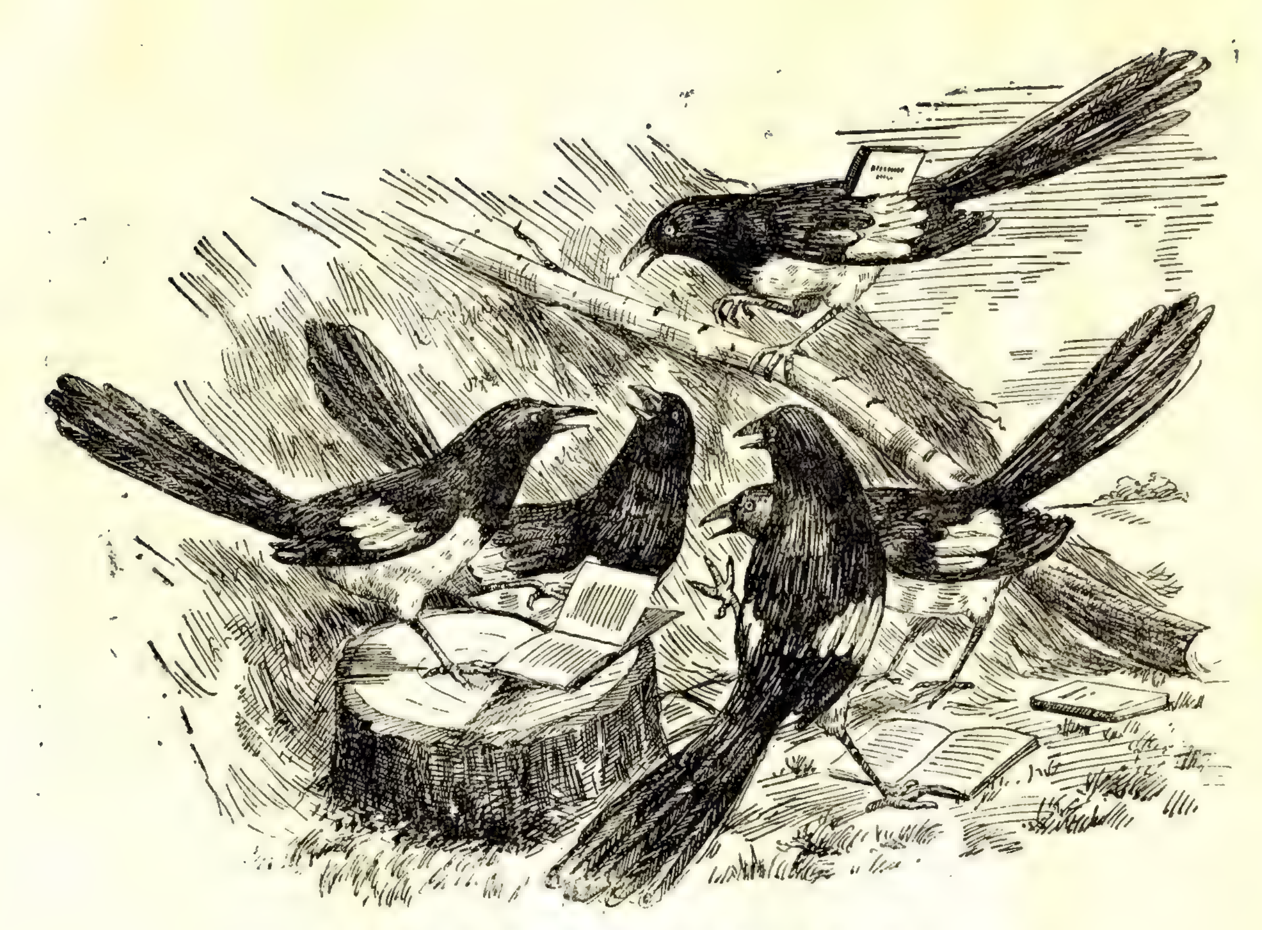
Где-то в стороне, за косичками Наташи Ведерниковой, мелькнуло Санькино пунцовое лицо с ярко рдевшими, как маков цвет, ушами и облупленным носом. Приглаживая рукой непокорно торчащий ёжик белесых, коротко остриженных волос, Санька пробирался к Бориске с каким-то свёртком подмышкой. Глаза у Саньки были виноватые и растерянные, на пухлых оттопыренных губах появлялась и исчезала жалкая нерешительная улыбка.

Не помня зла, Борис протянул другу руку.

— Хочешь подарю? — оживился Санька, робко подвигаясь к Бориске. — Это приключенческая книжка... Здорово интересная!..

Борис смотрел на ребят, на Саньку, на прыгающие Наташины косички, на солнечных зайчиков, которых уж что-то слишком много было в коридоре, и смеялся: какой же хороший сегодня день!

СОРОКИ

(басня)

Н. Садовый ***Рисунки М. Заводчикова***

Болтливые сороки
Решили делать вместе все уроки.
И вот однажды вечерком
Они рядком
Расселись возле стога.
— Что нынче задано?
— Немного:
Прочесть главу про комаров
Да выучить пяток куриных слов.
— Тогда за дело,—

Сказала та, что на пеньке сидела,—
Я вам прочту про комара...
— Да не спеши ты! Знаешь, я вчера,—
Вступила шустрая сорока,—
Букашку видела такую, что морока:
Величиной едва не с воробья!..
— Нашла чем хвастаться! Да я
И покрупней ловила! —
Соседка возразила.
— Постойте, милые! А я вон в том бору
Сегодня поутру
Супругу дятла повстречала,
Послушали бы, как она стучала!..
Тут в хор вступила та, что села возле пня:
— Прошу внимания: у меня
В задаче с кошкой нет начала...—
Всё громче шум, сильнее болтовня,
Разносится над полем гомон птичий.
— Да не галдите, бросьте свой обычай! —
Увещевал Скворец сорок.
А те в ответ: — Мы не галдим, дружок,
Готовим мы урок!

Понятно без морали:
С таких занятий будет прок едва ли!

ПОДЗЕМНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Б. Рябинин

Рисунки О. Коровина

Прошло две недели с тех пор, как закончился очередной набор в школу ФЗО. Две недели — небольшой срок. Но уже не осталось и следа от той пёстрой толпы молодёжи, которая однажды пришла с вокзала в кепках, платочках, рубашках всех цветов. Теперь все ребята превратились в подтянутых, одетых во всё чёрное, с блестящими пряжками на поясных ремнях и в форменных фуражках воспитанников трудовых резервов — ремесленников.

Чуть ли не каждый день новички надоедали мастеру расспросами:

— А в шахту скоро пойдём?

— Скоро, скоро.

— А там не страшно?

— Пойдёшь — увидишь.

И вот дождались. Завтра — в шахту! Завтра они спустятся глубоко под землю, где день и ночь в неустанном напряжён-

ном труде добывается чёрное золото земли — «хлеб промышленности» — уголь; увидят героев подземной добычи — стахановцев-шахтёров. Завтра — в шахту!

В шахту пошла группа в восемнадцать человек. С ними старенький мастер, со строгой фамилией — Ежов, по характеру добряк.

Всех беспокоил один вопрос: в чём идти? Советовались с мастером; он невозмутимо отвечал:

— А как обыкновенно, в том и идти... что надо?

— Да ведь испачкаем форму-то, жалко, потом придётся в стирку...— тревожились наиболее дальновидные.

Ремесленник любит форму, дорожит ею: она говорит об его особом положении, о близости к заводу, фабрике, шахте. Попробуй-ка, сними форму — и стал, как все ребята, которые бегают по улице!

— Не испачкаете. Там дадут другую одёжу, подсменную.

— Где, на шахте?

— Там, там.

Старый мастер понимал чувства ребят, но не подавал и вида, что сам когда-то так же тревожился перед первым спуском в шахту.

Аккуратный, сухонький, с седой бородкой клинышком, казавшейся приклеенной на его благообразном желтоватом лице, мастер чем-то неуловимо напоминал выгоревшее на солнце, старое, но ещё крепкое дерево. Годы и работа в шахте, которая в прежнее время брала от человека все силы, иссушили его. Он давно получал пенсию, пользовался специальными преимуществами за выслугу лет, мог бы спокойно доживать век, сидя дома, но не хотел расставаться с живым делом. Старика Ежова знали. Инженеры и начальники шахт при встрече первые раскланивались с ним, пожилые забойщики кричали издали: «Иван Николаич, почтение!»

И вот дружной стайкой высыпали ребята из большого каменного здания школы и, провожаемые завистливыми взглядами тех, чья очередь идти в шахту ещё не наступила, направились по обсаженной молодыми тополями дорожке, туда, где весёлой гурьбой были рассыпаны надземные сооружения шахты. Старый мастер, чуть горбясь, неторопливо шагал впереди,

деловитый и спокойный. Ребята, попрыгивая, как воробьи, поспешали сзади.

Знаком ли вам, читатель, надземный пейзаж шахты?

Это, прежде всего, копёр. Он может быть выше или ниже, смотря по глубине и мощности шахты, каменный или деревянный, с большим колесом наверху и бегущей по нему железной верёвкой — тросом, по движению которого можно судить, происходит подъём или спуск в шахту. Рядом с копром — здание моторной лебёдки подъёмника; поодаль — служебные помещения: контора, раскомандировочная, душевая, партком, шахтком и т. д. Там и сям вокруг — отвалы пустой породы, поднятой с «горизонта» в 50, 100, 300 метров и глубже: в старину — просто насыпные плоские возвышенности, у современных шахт — конические высоченные горы-терриконы, чёрные от подошвы до вершины, строгие и величественные, вызывающие в воображении представление об египетских пирамидах,— молчаливое свидетельство титанического труда человека-труженика. После дождя они курятся, как будто в недрах их ожил потухший вулкан или заработала гигантская, невидимая для глаза, кузница.

Шахта живёт, работает круглосуточно. В урочный час идут группы рабочих: одни — под землю, другие — обратно. При-

бывшие на смену в специальном помещении переодеваются и, вооружённые инструментом, лампочкой, шагают к подъёмнику. Возвращающиеся со смены, проходя через то же помещение, оставляют там грязную рабочую одежду и уже в своей повседневной «гражданской», розовые после горячего душа, с влажными волосами, направляются по домам отдыхать. Так — зимой, летом, круглый год, без перерыва.

Пока живёт шахта — растёт террикон, отправляются во все концы составы с углем. По ночам над шахтным копром загорается большая, видная издалека, красная звезда, и когда люди видят эту звезду, они радуются: это значит, что шахта работает хорошо, выполняет план, даёт государству много угля.

Подростки подошли к воротам шахтного двора. Будущие шахтёры притихли. Все невольно подумали о том, что вступают в святая святых — царство труда, ощущение значительности, торжественности момента захватило каждого.

Там, за этими воротами, день и ночь идёт бой за уголь. Без угля остановятся станки на заводах, прекратят давать ток электрические станции, затихнут на стальных путях паровозы, остановятся поезда... — остановится вся жизнь.

Не задерживаясь, гуськом прошли ребята под воротами и через десяток шагов один за другим нырнули в приветливо

распахнутую дверь приземистого снаружи и оказавшегося просторным внутри помещения.

В полутёмном помещении было пусто, только у дверей дежурил вахтёр, поднявшийся с табуретки при виде группы и поздоровавшийся с Ежовым, как со старым знакомым. Ежов провёл свой выводок вглубь этой вместительной комнаты (она-то и называлась раскомандировочной: здесь собирались шахтёры перед спуском в шахту), открыл низенькую толстую дверь, и ребята оказались в другом помещении, значительно более тесном, с чистым цементным полом и рядами узких шкафчиков, стоявших вплотную один к другому вдоль стен. Воздух здесь был тёплый и парный, за стенкой что-то шипело.

— Раздевайтесь, ребята,— пригласил мастер и принялся стягивать с себя одежду.

— Баня...— удивлённо произнёс один из подростков, заглянув в дверь, ведшую в соседнее помещение.

— Не баня, а душевая,— строго поправил старик.

— Будем мыться?

— Сейчас — нет.

— А зачем раздеваться?!

— А ты не рассусоливай, а делай, что велят,— одёрнул болтуна староста группы.

Все стали быстро раздеваться, уголком глаза наблюдая за мастером.

Он действовал обстоятельно, деловито, с важной миной на лице. Аккуратно повесил в шкафик тёплую телогрейку — «ватник», пиджак, поставил в уголок сапоги. Затем, оставшись в одних кальсонах, схваченных у щиколоток штрипками, и бязевой рубашке, завязанной у горла тесёмками, осторожно ступая босыми ногами, прошёл в другой угол и стал облачаться в шахтёрскую броню. Мы говорим «броню», потому что шахтёрская одежда должна защищать шахтёра от воды, от возможных ушибов, причиняемых падающими кусками породы, угля. Брюки и куртка из толстого брезента коробились и шуршали, как картон; мягкими были лишь резиновые сапоги. Впечатление брони довершалось твёрдой, со сгофрированными для упругости краями и матерчатым назатыльником, каской, которую старик водрузил себе на голову.

Ребята в точности повторяли все действия мастера. Одежда, каски, рукавицы — всё было приготовлено заранее, ожидало их. Вскоре все преобразились неузнаваемо.

Вот теперь они и впрямь похожи на настоящих шахтёров. Эх, жаль, нельзя показаться в таком виде друзьям, близким!

Пожалуй, в этом одеянии их не узнал бы родной отец. Необношенная куртка бугрилась, жёсткая, как будто она была сделана не из материи, а из жести. Голова потяжелела от каски, её схватило, как обручем. С непривычки казалось, что и повернуться-то нельзя в такой одежде, не то что работать.

— Все готовы? — спросил мастер, становясь около двери.

— Все,— ответил староста группы.

— Тогда пошли.

Старик провёл ребят в соседнее небольшое здание — это была аккумуляторная — и там коротко потребовал:

— Огня нам!

На его команду сейчас же отозвались две молоденькие девушки. Через минуту у каждого на каске появилась электрическая лампочка-фонарик с рефлектором, похожая на миниатюрный прожектор. Гибким бронированным шнуром она соединялась с плоским, как книга, и тяжёлым, как кирпич, аккумулятором, прикреплённым к поясу как патронный подсумок у солдата.

Снаряжение становилось всё увесистее. А каково же шахтёру, работающему в лаве, у которого в руках ещё вторая лампа — «свет шахтёра» — для замеривания газа, тяжёлый отбойный молоток или перфоратор? Ребята проникались всё бо́льшим уважением к людям, изо дня в день работающим в этом вооружении под землёй,— забывая, что завтра этими людьми должны стать сами.

Покинув аккумуляторную, маленький отряд направился к копру. Они вошли в тень террикона, и — как будто затмилось солнце — сразу стало прохладно, сумрачно. Задирая головы и спотыкаясь, ребята смотрели на головокружительную высоту террикона, стараясь не отставать от мастера. Внезапно что-то зашуршало по склону горы. Это, опрокинувшись, высыпала очередную порцию поднятой из глубины породы вагонетка. За-

тем она стала медленно спускаться, а над нею, над острым хребтом горы, по синему небу быстро плыли белые и кудрявые, как барашки, кучевые облака.

Вот и шахта. Остановились. Мастер испытующе оглядел своё войско и требовательно предупредил:

— В шахте не баловаться!

Ребята заметили, что Иван Николаевич как-то весь преобразился с той минуты, как облачился в шахтёрский костюм. Он приосанился, твёрже стала походка, в голосе появились властные нотки. Вообще вид у него был такой, как будто предстоял парад или смотр.

Его состояние передалось и ребятам. Они поправляли друг на друге снаряжение, потуже подтягивали ремни.

Вошли. Дежурная девушка в том же костюме, что и они,— только на голове вместо каски был повязан кумачёвый платок,— дала сигнал вниз, и через минуту в чёрном проёме подъёмника, откуда несло холодом и сыростью, всплыла железная клетка с решёткой-дверцами. Девушка отодвинула дверцу. Ребята набились в клеть тесно один к другому. Все не поместились; половина осталась ждать своей очереди. Дверца закрылась, послышалось звяканье сигнала, пол шахтного здания вдруг поплыл вверх, мелькнули в метре расстояния резиновые сапоги дежурной подъёмника, и всё погрузилось во тьму.

Слегка покачивало. Лучик фонарика выхватывал из темноты то чьё-нибудь юношеское лицо с широко раскрытыми гла-

зами, то сосредоточенно спокойное — мастера, то перебегал по шершавой, холодной и скользкой, с капельками воды, стенке клети.

— А она может оборваться? — осторожно спросил кто-то из подростков.

— Да нет,— добродушно возразил мастер.— Канат крепкий, из стальных жил. Осматривают регулярно, чтобы всё было в исправности. Вот у капиталистов бывает частенько. Там рабочим не дорожат, убьётся — не жалко. А у нас — нет. У нас насчёт этого строго.

— Ну, а если?..

— Если случилось бы? И то не страшно. Всё равно не упадёт. Есть такое приспособление,— парашютное устройство называется,— оно не даст упасть. Придётся только повисеть немного... Предусмотрено всё!

В последней фразе почувствовалось желание подбодрить, успокоить ребят. Всё-таки в первый раз... Сам когда-то был такой!

— Теперь везут,— сказал он через несколько секунд.— А прежде пешком ходили. На своих двоих, туда и обратно. Да жили-то не так, как теперь, в полкилометре, а за пять, за десять вёрст...

Ребята стали размышлять, сколько же времени уходило прежде у шахтёра на ходьбу до места работы и что за устройство такое, что на лету может сдержать такую тяжесть, как железная клеть, и не заметили, как спуск кончился. Снова по-

явился свет, на этот раз тусклый, жёлтый, клеть замедлила ход, мягко толкнулась и остановилась.

Опять загремела решётка. Новая девушка — стволовая шахты (от слова ствол — так называется вертикальная выработка, напоминающая колодец, по которой ходила клеть) — отодвинула преграду, закрывавшую пассажиров в тесном железном пространстве клети, и выпустила их. Они ступили на землю...

Но земля — такая, какой мы привыкли с детства видеть ее,— осталась далеко вверху; над головой нависла «кровля» в двести метров толщиной (наши герои спустились на 200-й «горизонт») и потому правильнее будет сказать, что они сделали свой первый шаг под землёй — в сердце «горы». Сверху, снизу, со всех сторон их окружали напластования различных горных пород, геологические толщи материка, отложения эпох, отдалённых от нас миллионами веков. Не было ясного солнышка, синего неба, плывущих облаков; кругом немая, чёрная, затаившаяся порода.

Пока клеть ходила за второй партией гостей, ребята успели осмотреться. Вправо и влево уходила, теряясь во мраке, высокая и просторная, как тоннель, горизонтальная выработка — главный откаточный штрек. Стены, потолок его были основательно укреплены сплошным деревянным срубом, на полу постланы рельсы узкой колеи, на которых тесно сбились вагончики с углем. Близко к стволу (это место называлось шахтным двором) штрек был освещён; дальше лампочки становились реже и, наконец, исчезали совсем. Со стен медленно сочилась вода; вода падала сверху.

Ребята молча удивлялись: смотри, и здесь девушка. До спуска под землю им казалось, что в шахте могут работать только мужчины. На этой, помимо уже описанного костюма, широкополая резиновая шляпа, наподобие моряцкой зюйдвестки, чтобы вода не мочила голову и не заливалась за воротник. Девушка подкатит вагончик с углем, упрётся в него спиной — вагончик, громыхнув, вкатится на железный помост клети, замрёт и вдруг, после того, как стволовая дёрнет два раза ручку телеграфа, связывающего её с поверхностью, бесшумно рванётся вверх и пропадёт в чёрном зеве облицованного чугунны-

ми плитами — тюбингами — ствола шахты. Подъем вагончиков с углем на-гора́ начался (точнее, стал продолжаться, так как он производился и до этого), как только сверху спустилась вторая группа воспитанников.

В глубине штрека сверкнул, приближаясь, светлячок фонарика. Подошёл высокий широкоплечий мужчина в шахтёрской одежде — начальник шахты. Увидев ребят и мастера, остановился.

— А-а, добро пожаловать!— приветствовал он Ежова, снимая жёсткую рукавицу и пожимая руку старика.— Привёл свою гвардию!

— Привёл,— подтвердил Ежов.

— Добро.— Начальник шахты пробежал глазами по лицам ребят.— Ну как, стахановцы?

Такое обращение очень понравилось ребятам.

— А ничего! — задорно отозвался один из них, но уже сама поспешность ответа выдавала сокровенное желание казаться взрослее, говорила о стремлении поскорее стать «своими людьми» в шахте.

Начальник шахты, видимо, догадывался о чувствах молодёжи, и что-то вроде сдержанной улыбки промелькнуло у него в уголках глаз.

— Правильно,— сказал он.— Робеть не к чему. Смотрите, учитесь. Желаю больше видеть, знать. Главное, знать.

Начальник остался у подъёма, а ребята пошли за мастером в таинственную черноту штрека, откуда не доносилось ни одного звука.

— Иван Николаевич, а он далеко идёт? — спросил кто-то после нескольких минут ходьбы по дорожке из досок, проложенных между рельсами. Доски были сырые, скользкие.

— Километр в одну сторону, около того — в другую.

— Ого!

Голоса звучали глухо, но дышалось легко, свободно.

Вначале казалось, что в штреке непроницаемо темно, черно, как самой тёмной ночью; так и хотелось, подняв взгляд к «небу», увидеть над собой звёзды! Постепенно глаза привыкли следить за узким лучом света, отбрасываемым рефлектором, прикреплённым к каске. Рассекая тьму, как ножом, он

открывал узкую световую щель, в ней мерно качалась спина идущего впереди человека. Поворачиваешь голову, чтоб посмотреть направо, налево, кинуть взгляд себе под ноги, и веселый подвижный «зайка», как живой, сам немедленно перемещается туда, куда нужно... Хитро придумано!

Постепенно ребята и впрямь начали чувствовать себя «настоящими» шахтерами. А что: сегодня их ведут — завтра пойдут сами! И нисколечко не страшно. Удивляло только, что в шахте так мало людей. Изредка попадались группы рабочих в два-три человека, которые так же, как они, ребята, шли куда-то или занимались своим делом: перестилали пути, чинили крепь.

Вдруг что-то зашумело впереди. Шум нарастал, приближался, сверкнул яркий свет, из-за поворота штрека засияли, как два солнца, два электрических глаза — фары электровоза. Будто вязальные спицы, блестели накатанные рельсы.

Мастер сошёл с дороги и, подавая знак рукой, чтобы все, следуя его примеру, прижались плотнее к стене, скомандовал:

— Посторонись, ребятки, чтобы не задело!

Электровоз, таща за собой вереницу вагончиков, груженных углем, с грохотом пронёсся мимо. Мелькнула согнутая фигура машиниста, погас свет фар, всё скрылось за поворотом. После этого в штреке стало ещё чернее, пустыннее, глуше.

Ребята недоумевали: куда же подевались люди? Но когда навстречу прошёл ещё один вагонеточный состав с углем, и вёл его всего один человек, машинист электровоза,— они поняли: людей мало потому, что людям помогают машины.

Вероятно, об этом же думал и мастер, потому что сказал:

— А в старое-то время, ох, и трудное это было дело — транспортировка угля из шахты. Наломаешь спинушку, пока поднимешь его на-гора́. Выбивались из сил и лошади и люди.

— И лошади были в шахте?

— А как же. Были. И специальность была — коногон. Так это ещё хорошо, лошадь-то. Всё облегчение человеку. А то ведь сами толкали. Ка́тали назывались.

Упоминание о лошадях вызвало и дальнейшие воспоминания:

— Спускали их — спеленают всю верёвками, как ком. Дру-

гая бьётся, ржёт. Спустят в шахту, и так она до смерти больше солнышка не увидит. Помню, у нас на шахте «Половинка» конь, Хлопотун по кличке, девятнадцать лет выжил под землёй. Когда выдали на-гора́, ему лет тридцать было; ещё ходил, только работать не мог. Слепой был, а никогда не спотыкался, когда на нём везёшь. Бывало, что и жеребята родились в шахте. Ну, тех, пока растёт, поднимали наверх... А теперь вот — электровоз. Овса не надо, на волю не просится — поезжай, не хочу!

Километр под землёй — не то, что километр на поверхности. Ребята порядочно навихляли ноги, только старый мастер показывал такую прыть, какой они никогда не замечали за ним. Вот он свернул в боковую выработку, и ребята сразу почувствовали разницу. Здесь было сырее; по дну и у потолка были проложены трубы: толстые — вентиляционные, тонкие — для сжатого воздуха; крепь уже не тянулась сплошной стеной, а стояла отдельными клетками; за ними выглядывала серовато-бурая глыбастая порода.

Мастер предупредил:

— За клетки не ходить, может обвалиться.

Опять что-то зашумело, загудело впереди.

— Вентилятор,— сказал старик, отвечая на чей-то вопрос.

Вентилятор ревел как водопад. По мере приближения к нему всё сильнее чувствовалось веяние свежего ветерка на лице. Это он — неутомимый и мощный ревун-вентилятор, струёй которого можно сбить человека с ног, — и снабжает шахту чистым воздухом, прогоняя тысячи километров его по подземным галереям. Около вентилятора дежурил немолодой машинист в комбинезоне — повелитель могучей машины. Потом и машинист и рёв вентилятора остались позади за новым поворотом, но шахта уже больше не казалась ребятам глухой, безлюдной. Даже наоборот. Теперь они всё время встречали занятых своими повседневными обязанностями рабочих. Лесогоны катили на тележках свежеокрашенные, пахнущие смолистой древесиной брёвна для крепления, дежурные механики проверяли исправность механизмов — лебёдок, скреперов. И даже когда никого не оказывалось вблизи, подземных путешественников не оставляло ощущение, что где-то неподалёку за этими

стенами из сосновой, начинающей напитываться влагой, желтоватой крепи и тяжёлой инертной породы, трудятся люди, идёт напряжённая, неустанная работа.

Всё привлекало внимание ребят: «шипун», вырывавшийся из неплотно свинченной трубы, по которой подавался сжатый воздух для пневматического инструмента; белая плесень — грибок на крепи, отчего брёвна выглядели обвёрнутыми мягким пухлым плюшем; глубокие чёрные ямы — «помойницы», в которых стояла неподвижная, тёмная, как чернила, точно омертвевшая, вода. В одной из них копошились рабочие. При свете фонарей они вычерпывали со дна помойницы густую чёрную жижу и грузили её в вагонетки.

— Зачем они это делают? — заинтересовались ребята.

— Как зачем? Забьёт помойницу — негде будет скапливаться воде.

Участок был сильно обводнён. Невидимые, где-то в темноте, журча, скатывались подземные ручьи; под ногами зачавкало; порой целые потоки низвергались сверху. Проскочив такое место, ребята отряхивались, как утки. Вот когда они смогли по достоинству оценить шахтёрскую одежду. Что было бы без неё: вымокли бы, хоть выжми. А сейчас — сухохоньки.

— А куда она девается? — спросил Василий, прислушиваясь к голосам воды.

— Стекает в помойницы.

— А потом?

— А потом откачивается наверх.

Прошли обводнённый участок — снова стало сухо, чисто.

В короткий срок, благодаря пояснениям мастера, ребята узнали, что у шахты имеются другие выходы, не только тот, по которому спустились они; есть специальный механизированный грузо-людской подъём, который может за несколько минут доставить на-гора́ всех людей, находящихся под землёй; есть, наконец, особый вентиляционный выход — так называемый «воздушник» или «душник»; от мастера они услышали, а потом убедились сами, что снизу, под ними, и вверху, над головой, тянутся другие такие же галереи, и везде кипит работа — целый подземный город, созданный в недрах земли трудолюбием советских людей.

Им было интересно узнать, что под землёй есть «костры» — усиленное крепление наподобие колодезного сруба (оно ставилось там, где «кровля» была ненадёжна); «печки» — восстающие (то-есть пробиваемые снизу вверх) выработки, идущие по пласту угля; «просеки» — тоже выработки... Последнее напомнило ребятам, что когда-то, миллионы лет назад, тут был настоящий лес, в котором могла быть прорублена настоящая просека.

Постепенно перед ними раскрывался во всей своей убедительности титанический труд, затрачиваемый человеком для того, чтобы добыть из глубины чёрное золото земли — каменный уголь.

За какие-нибудь два-три часа они узнали больше, чем могли узнать, сидя наверху целый год. Они побывали в подземной мастерской, точнее сказать, в депо, где ремонтировались и заправлялись электровозы, осмотрели компрессорное, бункерное хозяйства, познакомились с лесоскладом.

Сколько раз потом спускался в шахту каждый из них и всегда оставался благодарен старенькому, седенькому мастеру Ежову за то, что тот с первого раза сумел сделать шахту для новичка простой, понятной, доступной, близкой.

Ощущение связанности, возникшее с непривычностью костюма и обстановки, прошло, аккумулятор уже не тянул; только голова ещё не свыклась с тяжестью лампочки и каски.

— Зайдём-ка сюда,— сказал мастер.

Он потянул к себе тяжёлую дверь (она казалась железной), устроенную в глубокой нише, и ребята чуть не вскрикнули от изумления. Перед ними была подземная станция водоотлива — сердце шахты: остановись оно — шахту зальёт водой.

Просторный светлый зал, белёные стены; чистота, белизна. Ритмично работают машины. Запах нагретого воздуха и машинного масла. Гладкий бетонный пол, сверкающая медь частей. Среди механизмов, по узкому проходу, неторопливо прогуливается дежурный... И это — шахта! Это — под землёй, на глубине более чем двести метров?!

— Ну, как? Хорошо? — говорил мастер, испытующе поглядывая на своих питомцев. В тоне его голоса слышалось одобрение.

Старик любил шахту, гордился ею. И кому, как не ему, понимать, ценить всё это, ему, проведшему в шахте сорок лет! Он и тонул, и горел в ней — в старину бывало всякое...

— А если испортится насос? — спросил один из ремесленников. Паренёк хотел сказать этим, что вода ведь не будет ждать, как тогда?

— Запустим другой,— возразил дежурный и показал на ряд машин, которые в полной готовности, но бездействующие, выстроились вдоль стены. Ребята были удовлетворены.

Вдруг что-то гулко ударило в стены. Подростки насторожились.

— Отпалка,— отвечая на их молчаливый вопрос, успокоительно заметил дежурный.— Взорвали породу в забое.

Они попрощались и снова вышли в выработку, а перед глазами ещё долго стоял этот сияющий, светлый храм машин, храм, созданный для того, чтобы людям под землёй было работать безопасно, удобно, чтобы слепые и страшные в своей безрассудной ярости силы природы не могли погубить их.

Теперь путешественники шли в конец забоя. Послышалось характерное тарахтенье перфоратора. Навстречу тянулся едва заметный синеватый дымок, обоняние улавливало запах сгоревшей взрывчатки. Забой успевали провентилировать, но лёгкая синева и запах ещё оставались. Тарахтенье ближе, ближе... И вот, наконец, грудь забоя — передовая линия подземного фронта.

Забой был высок и просторен, но казался тесным из-за погрузочной машины, занимавшей центр. Машина грузила только что взорванную породу. Будто умное, послушное животное, возилась она в забое, загребала широкой лопатой-ковшом раздробленную силой взрыва породу, лежавшую грудой на дне выработки, и опрокидывала её в вагонетки. Направляя действия машины, подчищая за нею остающиеся куски породы, работало двое рабочих; ещё двое были заняты установкой свежей крепи; а за ними, за этой группой, ребята увидели, наконец, главного героя, к которому рвались их думы,— шахтёра-проходчика, бурильщика. Вооружённый перфоратором, он обуривал забой, подготовляя его к новой отпалке. Тускло поблескивая, инструмент дрожал, напрягаясь, словно хотел вы-

рваться из крепких рук, но мог и, покорный воле человека, входил в тугую неподатливую массу породы всё глубже, глубже...

Вытащив длинный бур из скважины, шахтёр обернулся к гостям. Молодой или старый — не разобрать. На чёрном, как у негра, лице ярко блестели в улыбке зубы и белки глаз.

— Ну что, гвардия? — сказал он, и только тогда, по голосу, стало понятно, что он молод. — Скоро сами в забой, а?

Кто-то что-то ответил ему, но внимание всех подростков было поглощено созерцанием этого подземного богатыря, который, словно играючи, управлялся со своим тяжёлым инструментом, послушным в его руках так же, как послушна иголка в руках швеи. Смахнув пот со лба тыльной стороной руки, он, чтобы не терять драгоценное рабочее время, снова поднял

инструмент на уровень груди и, налегая на него тяжестью тела, вонзил острое бьющееся жало бура в каменную стену — грудь забоя.

«Буду бурильщиком»,— подумали многие, неотрывно следя за умелыми, ловкими действиями проходчика. Проходчик, как разведчик, идёт впереди всей шахтёрской армии; он первый входит внутрь «горы», первый принимает на себя удары непокорной подземной стихии, и ему первому — честь и слава. Ведь ради него, ради того, чтобы он мог безостановочно всё дальше вторгаться в земные недра — «проходить» забой,— работают бесчисленные машины: одни подают сжатый воздух, другие вентилируют шахту, третьи откачивают воду. Для него лесогоны «гнали» в забой свежесрубленный, ещё пахнущий сосновой хвоей лес, крепильщики ставили прочные клетки, закрепляя по следам проходчика его победу над природой. Сколько труда, сколько энергии, сколько человеческой мысли вложено во всё это! И вот здесь, в тупике забоя, вся эта сложная механика, усилия многих людей, вливались в одно живое усилие, которым проходчик отваливал куски противящейся породы, вонзал бур в грудь забоя, проникая всё глубже в «гору»...

Мастер стоял в сторонке и не мешал ребятам насладиться видом работающего стахановца-проходчика. Прислонившись к крепи, старый горняк отдыхал, взглядом знатока оценивая действия молодого шахтёра. А когда-то ведь был и он таким проходчиком, так же удивлял своей силой, так же врубался в «гору»... Но у него не было горького чувства. Он стар; ну и что ж! Зато теперь он водит птенцов, из которых получаются вот такие богатыри!

Не хотелось уходить, но надо. Пошли назад. Теперь они ясно представляли процесс бурения, отпалки, погрузки породы. И когда уже ребята решили, что видели всё, мастер заявил:

— А теперь пойдём в лаву.— И вдруг исчез, точно провалился сквозь землю.

Ну, конечно же! Они же забыли самое главное — лаву. Ведь то, что они наблюдали в забое, это ещё только подготовка к добыче угля, но не сама добыча. Главное — лава!

Но куда же девался Иван Николаевич? А после него стали исчезать один за другим и ребята. Значит, чудеса подземного мира ещё не кончились?

У ног — широкая тёмная расселина, будто сама земля разверзлась, чтобы пропустить в недоступные глубины свои человека; однако эта расселина — тоже дело шахтёрских рук. Ход вниз. Видны концы крепи — брёвна, доски. Высовывается конец железного жёлоба. Все это поставлено прочно, но без претензии на красоту. Ведь лава не стоит на месте, она непрерывно движется, перемещаясь в глубину фронта работ, и вслед за нею перемещается и «ходок». По жёлобу струится вода. Снизу доносится приглушённое рокотанье.

Один за другим ребята ныряют в «ходок»; скользят, иной неловко ударится лбом в спину переднего товарища... Тут ещё набьёшь шишек!

Тотчас приглушённо, словно из бочки, донёсся голос мастера:

— Осторожнее! Старайтесь передвигаться на ногах. К машине близко не подходите.

Лава — вот она! Вот он, уголь-уголёк, как любовно зовут его шахтёры. Чёрный искрящийся пласт его уходил («падал») косо вниз, и на всём его протяжении, от одного «горизонта» до другого, уступами, происходила добыча — трудились люди. Одни «рубили» уголь, другие помогали ему скатываться по транспортёру — «провожали» — вниз, третьи подтаскивали свежие брёвна для крепи. Его-то и подрубала врубовая машина, рокот которой слышался ещё у входа в лаву. Тяжёлая, плоская, вроде черепахи, распласталась она по дну выработки; непрерывно, со стрекотом, бежала бесконечная лента-пила со стальными зубьями, которыми врубовка подпиливала, подгрызала пласт. Машинист направлял машину в основание пласта. Вот отвалилась глыба, раскрошилась на куски, посыпалась в жёлоб и по нему, с глухим перестуком, шуршанием покатилась вниз... Как будто шёл бой! Сухой шелест, перестукивание угля, журчанье воды смешивалось с напряжённым рокотом машины, ударами топоров крепильщиков. Уголь-уголёк! Перебираясь с жёлоба на жёлоб, с одного транспортёра на другой, уголь мчится всё дальше, дальше, достигает уголь-

ных закромов — бункеров нижнего «горизонта», затем из них сыплется в вагонетки, электровоз мчит вагонетки к подъёму, и вот он, уголь, на-гора́, увидел солнце... Солнцем порождённый, накопивший солнечную энергию, он теперь хорошо послужит людям!

...Через час, довольные, они мылись в душевой. С шипением лилась из кранов горячая вода, клубы пара взлетали к потолку. Слышались весёлые восклицания, шлепки по голому телу.

— Ну как, Вася, не забоишься работать в шахте?

— Ого, жди, пожалуй! Сам не испугайся!

— А силёнки хватит управляться с перфоратором? В нём ведь не меньше пуда!

— Хватит, не беспокойся!

— А как он в лаве-то покатился! А, ребята! Я так и думал, что до самого нижнего горизонта!

Смех, гогот. Будущие шахтёры расшалились. Так приятно было сознавать, что боевое крещение принято: в шахте были, видели, узнали многое — спасибо мастеру Ежову.

Сегодня каждый из них был в шахте гость; завтра — будет хозяин!

Птицы нашего города

В. Чазов

Камешек, пущенный из рогатки, попал в цель. Что-то серенькое, мелькнув в воздухе, мягко ударилось о землю. Петя поднял свою добычу и стал разглядывать. Маленькая с серовато-бурой спинкой и светлой грудью птичка лежала на ладони мальчика. Алая капля тёплой крови капнула с острого носика, и жизнь маленького существа прекратилась.

Мальчик продолжал с любопытством разглядывать свою жертву. Чья-то рука тряхнула его за плечо.

— Что ты тут делаешь? — раздался голос над его ухом.

— Да вот, воробьишко,— развязно ответил Петя, разжимая ладонь.

— Воробьишко, воробьишко,— качая головой, проговорил незнакомый мальчик, стоящий позади Пети.— Эх, ты!

Пете не понравился этот тон, и он заносчиво крикнул:

— Да что ты привязался, воробьёв что ли мало в Зелёной роще? — и потом, вспомнив, добавил: — Воробьишко, он воришко. Из складов зерно таскает, на хлеба летает. Он вредный.

Но мальчик, продолжая смотреть на Петю, в упор сказал:

Воробьи

— Во-первых, воробей в городе приносит больше пользы, чем вреда. Он уничтожает насекомых — вредителей городских насаждений, а во-вторых, ты убил совсем не воробья, а птицу более полезную.

— Какую ещё птицу? — досадуя, спросил Петя.

— Ну, по-твоему, видно, всё, что меньше галки, и есть воробей,— ядовито заметил мальчик.— Это мухоловка, понимаешь, серая мухоловка. Посмотри, она и меньше воробья, и носик острее, и оперенье другое. Эта птичка за один день ловит до 300 насекомых, среди которых главные разносчики заразы — мухи. Она гнездится всегда около человечьего жилья и человека не боится. Такую птицу убить просто. Небось, метра на два подпустила.

— Да кто ты такой? Подумаешь, учёный: всё знает,— запальчиво проговорил Петя.

— Кто интересуется, тот знает, — просто ответил мальчик.— У нас это многие знают.

— У кого это, у вас?

— У нас, у юннатов. Вот завтра мы пойдём на экскурсию с Николаем Николаевичем. По паркам и садам Свердловска. Сейчас самое время для наблюдений за птицами. Они сейчас гнездятся, яйца несут, а некоторые уже и парят. В День птиц мы развесили около 200 синичников и скворечников по садам и рощам города — посмотрим, кем заняты эти квартиры.

Мухоловка

Петя вспомнил, что у них в школе ребята ходили развешивать скворечники, но он убежал. Ему стало как-то не по себе. Он неопределённо взглянул в сторону и сразу почувствовал, что ладонь, с зажатой в ней птичкой, вспотела. Он разжал руку.

— Отдай мне птицу, — сказал мальчик.

— Возьми,— даже не спрашивая, на что она ему, сказал Петя и пошёл в сторону.

— Может, ты хочешь с нами? Приходи завтра. Сбор здесь, в семь часов утра. Вызови меня, Олега,—крикнул мальчик вдогонку. Но Петя уже быстро шагал по аллее. Он не чувствовал больше радости от этого свежего весеннего утра. Он с размаху швырнул рогатку через чью-то ограду. Чувство вины и какого-то беспокойства не покидало его весь день.

Синица

На следующий день Петя решил последовать совету Олега — пойти на экскурсию.

В дальнем углу Зелёной рощи, где помещается станция юннатов, ребята окружили своего руководителя, который указывал им на какую-то птицу:

— Вот, смотрите, опять прилетела.

Петя взглянул и узнал зимующую у нас на Урале большую синицу, или кузьку, которая, выпорхнув из развилки сосны, где, повидимому, находилось в дупле её гнездо, быстро скрылась между деревьями.

Вот уже третий раз она аккуратно прилетает через две-четыре минуты с кормом для птенцов. За день она сделает больше 300 рейсов, чтобы накормить своих прожорливых детей. Кроме того, и сами родители съедают в день почти столько же пищи, сколько весят они сами. Если бы человек обладал аппетитом этих птичек, ему потребовалось бы ежедневно по крайней мере 35 буханок хлеба. Синички истребляют массу вредных для леса насекомых, их личинок и яиц. Особенно много уничтожают они таких вредителей, как непарные шелкопряды, пяденицы и майские жуки. Эту полезную птицу следует подкармливать в зимнее время и, устраивая синичники, привлекать её к охране садов и парков.

Зяблик

— Фью-фью-фью-ля-ля-ля-ги-ги-ги-ви-чи-у, — раздалось вдруг метрах в двадцати от них.

— Слышите, Николай Николаевич?— спросил один из ребят.

— Да, а кто это? — спросил он в свою очередь.

— Зяблик,— ответило несколько голосов сразу. Группа тихо подошла к маленькому певцу. Беззаботно распевая, сидела маленькая коричневогрудая птичка. Песня продолжалась недолго, птица слетела на землю в поисках насекомых, и тогда стали заметны белые полосы на серых крыльях и зелёное надхвостье.

— Это — самая распространённая здесь птица, попробуй найди её гнездо, — продолжал руководитель, — оно высоко от земли и хорошо замаскировано. Зяблик уничтожает вредителей поля и сада и особенно так называемую вредную черепашку. Эта птица...

— Ай-ай,— вдруг раздался неистовый крик. Все быстро обернулись и увидели шарахнувшихся в сторону от сосны двух девочек.

— Тут змея шипит,— кричали они.

— Никаких здесь змей нет,— спокойно сказал Николай Николаевич, подходя к ним, — ну, где же она?

— Вот тут была...

— Ваша змея перелетела вон на то дерево.

Все расхохотались.

— Не смейтесь, тише! — сказал Николай Николаевич.

Действительно, на одном из сучьев сосны творилось что-то неладное. Какое-то существо, угрожающе щипя и дико вращая головой, передвигалось вдоль сука с явным намерением напасть. Пёстрокоричневая окраска дополняла сходство со змеёй. Ребята оцепенели, и вдруг вся созданная иллюзия была сразу разрушена самим страшилищем. С громким криком «Пяй-пяй» с места, где только что была змея, взлетела маленькая, чуть побольше воробья, птичка и исчезла за деревьями.

Вертишейка

— Вот так штука, — растерянно проговорил один из юннатов.

— Да-а, это довольно интересная штука, — заметил с усмешкой Николай Николаевич. — Эту птицу зовут вертишейка, она всегда так ведёт себя при приближении к ней человека. В роще она редко гнездует, но это и хорошо, так как польза от неё невелика, а вред бывает. Прилетая позже всех, она часто выбрасывает из облюбованного ею гнезда яйца и птенцов других птиц. Вот, слышите, какой переполох подняли маленькие пичужки при её приближении.

Действительно, невдалеке от них раздавались беспокойные, беспрерывно чередующиеся крики «вик-вик», издаваемые двумя маленькими пёстренькими птичками.

— Как называют этих птиц? — спросил руководитель.

— Мухоловки,— ответил Олег. Петя вздрогнул и опасливо покосился на птицу. «Нет,— подумал он,— та была не такая, серенькая».

— Совершенно верно,— сказал Николай Николаевич,— это мухоловки-пеструшки. Вероятно, их гнездо где-нибудь в дупле одной из этих сосен. Давайте понаблюдаем. Если спрятаться и сидеть тихо, то они должны скоро успокоиться.

Ребята притихли. Птички непрерывно улетали и вновь возвращались. Каждый раз было видно, что они являются с какой-то ношей.

— Ну, что же вы заметили? — спросил спустя некоторое время руководитель.

— Я сосчитал,— сказал один из мальчиков,— за это время птички прилетели 47 раз.

— Так,— сказал Николай Николаевич,— ещё кто что заметил?

— Я заметила,— сказала одна девочка,— что птички иногда приносили что-то длинное и большое, а иногда прилетали пустыми.

— Нет, это не верно,— сказал руководитель,— просто отсюда трудно заметить, когда птицы приносят мелких насекомых, но зато хорошо видно, когда у них в носу длинные личинки жуков-щелкунов, так называемых проволочных червей, которые, поедая корни хлебных растений, губят весь злак. Таким образом, эта птица является такой же полезной, как и её родственница, серая мухоловка.

Пете показалось, что Николай Николаевич посмотрел на него, но тот, обращаясь к группе, сказал:

— Теперь нужно наши наблюдения занести в дневники.

— Пойдёмте к речке, — предложил один из мальчиков, — там есть удобное место, а под крышей кузницы, которая стоит на этой речке, живут трясогузки.

— А как ты знаешь, что там живут трясогузки? — спросил руководитель.

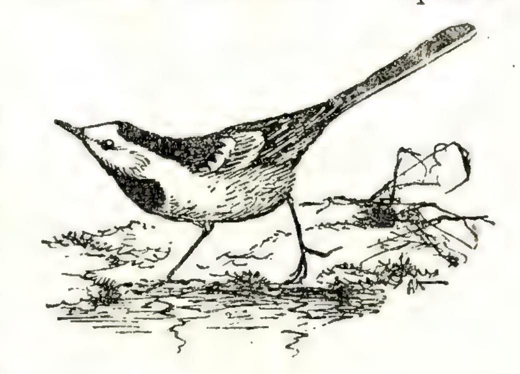
— Я хожу мимо в школу, останавливаюсь и смотрю. Они все бегают вдоль речки или между грядками огорода и всё время трясут хвостиками, или вдруг сразу подлетят кверху...

— Так они ловят насекомых, которые составляют их основную пищу,— сказал Николай Николаевич.— Птица полезная, истребляет вредителей огородов и разносчиков болезней— комаров.

Беседуя таким образом, юннаты дошли до старой кузницы. Действительно, по берегу проворно бегали две серенькие с белым брюшком и чёрными галстучками птички и, выкрикивая своё звонкое «ци-зить, це-зить», внезапно срывались с места,

летая ныряющим полётом. Ребята записали свои наблюдения в дневнике, и руководитель сказал, что пора отправляться осматривать скворечники в парке Дворца пионеров.

— Я предлагаю пройтись пешком, может быть, нам по дороге удастся что-нибудь увидеть интересное: ведь только в зоне больших каменных домов нашего города живёт более 30 видов различных птиц.

Белая трясогузка

Не успели они пройти несколько десятков метров, как из-под штабеля сложенного в стороне камня вылетела маленькая белогрудая птичка, и, усевшись на камень, принялась, беспрерывно кланяясь, звонко выкрикивать «чик-чек-чек, чик-чек-чек».

— Вот вам и каменка,— сказал Николай Николаевич,— эта птица охотно селится близ человека, избирая своим гнездовьем развалины, кучи камня и кирпича. Птица, бесспорно, полезная, хотя бы только потому, что она во множестве уничтожает страшного вредителя наших полей — озимую совку. Всесоюзным институтом защиты растений было установлено, что в 1924 году совкой было уничтожено столько хлеба, что им можно было бы загрузить железнодорожный состав длиной около 100 километров. Самым эффективным средством в борьбе с этим страшным вредителем являются птицы, и в том числе эта каменка.

Каменка

Ребята с любопытством и уважением посмотрели ещё раз на маленьких хлопотливых птичек. День был праздничный, на улицах шумно и людно. Николай Николаевич оказался общительным и весёлым человеком. По дороге он рассказывал ребятам о жизни птиц и задавал вопросы.

— Какая птица называется ледогонкой? — спрашивал он.

— Трясогузка,— ответил один мальчик,— потому что она часто прилетает раньше, чем сошёл лёд.

— Когда температура тела воробья ниже, зимой или летом? — спрашивал он ребят.

— Зимой,— закричали ребята.

— Неверно,— сказал он,— она одинакова.

— Почему ласточки и стрижи летают низко над землёй перед ненастьем? Да, кстати, о стрижах,— перебивая сам себя, сказал он,— большая колония этих птиц уж много лет

Стрижи и ласточки

живёт на театре оперы и балета имени Луначарского. Зайдёмте — это почти по пути.

На фасаде театра сразу была замечена масса гнёзд, прилепившихся над окнами и дверями балконов. С резким свистом носились чёрные длиннокрылые птицы. Стремительная погоня за насекомыми прерывалась неожиданными поворотами, остановками, планированием. Не сбавляя скорости, птицы влетали в своё гнездо. Долго любовались юннаты этими воздушными виртуозами и непревзойдёнными чемпионами скорости, делающими в час до 600—800 километров, что недосягаемо даже для самого быстроходного из соколов, сокола-сапсана.

— Ну, что же, идёмте,— сказал Николай Николаевич.— Эта птица,— начал он, когда они стали подниматься по Тургеневской улице,— прилетает к нам позже всех, а улетает всех раньше, но за своё короткое пребывание она приносит огромную пользу, уничтожая ежедневно от 6 до 8 тысяч насекомых, большая часть которых — вредные. Если разложить друг за

другом всех насекомых, которых съедает за лето стриж, то эта непрерывная цепочка вытянется от театра Луначарского до Автодорожного техникума во Втузгородке.

Так беседуя, они дошли до калитки парка. Просмотрев синичники и скворечники, развешанные в День птиц, и установив, что в большинстве случаев они заняты их хозяевами, Николай Николаевич стал замечать, что ребята начинают рассеянно поглядывать по сторонам, выказывая признаки утомления. Усадив их в беседке, он попросил их на прощанье рассказать ему о самостоятельных наблюдениях над скворцами после их прилёта.

Скворец

— Первых скворцов я заметил,— сказал один из мальчиков,— 25 марта. Они очень весело и долго пели, в их песенке слышны были крики сороки, соловьиный свист и крики ястреба. Потом они стали таскать в скворечник подстилку.

— А у нас,— сказала одна из девочек,— скворцы выгнали из скворечников воробьёв, а потом выгребли весь их хлам. Эти же скворцы затеяли драку с другими скворцами, которые хотели поселиться в соседнем скворечнике, и выгнали их. Теперь он пустой.

Галка

— А я наблюдал,— сказал другой мальчик,— как скворец птенцов кормит. Он им приносит жуков и червей.

— А каких же жуков? — спросил руководитель.

— Майских и ещё других, жёлто-бурых с полосками.

— Правильно, майских и жуков-щелкунов — вредителей полей и лесов. Кроме того, скворцы систематически уничтожают вредителей огородов. Только червей скворец съедает ежедневно до 25 граммов. Скворец — давнишний пернатый друг

человека. Труды его приносят огромную пользу, большое удовольствие доставляют нам его бодрые весенние песенки, утверждающие окончательный приход весны, как первая трель жаворонка или крик грача. Так вот,— как будто спохватившись, сказал он,— теперь мы знаем с вами, если учесть гнездующих в нашем городе голубей, галок и ворон, примерно полтора десятка птиц различных видов. Но не всегда и не всех птиц так легко и просто наблюдать. Наши наблюдения мы продолжим в следующий выходной день. Итак, в воскресенье, в 7 часов утра, в Зелёной роще. До свиданья.

— Спасибо, Николай Николаевич. До свиданья,— закричали ребята.

Петя и Олег вышли вместе.

— Ну, как? — спросил Олег. Петя покраснел и, радостно тряся руку Олега, сказал:

— И тебе спасибо.

С этого дня они стали друзьями.

Про ленивого кота

М. Дедиков ***Рисунки Л. Токмакова***

На окраине деревни в маленьком домике жила бабушка Варвара. Был у бабушки кот, звали его Васька. Большой был Васька, толстый да ленивый. Только и знал, что на печке спать, даже умываться ленился. Но бабушка любила Ваську.

Да и как было не любить его. Подобрала она Ваську котёночком в придорожной канаве, грязного, больного. Принесла домой, вымыла, завернула в белую тряпочку, сливками напоила и положила на печку. Долго болел Васька, кашлял. Видно, простыл сильно.

Наконец, поправился. Вырос. Шёрстка у него стала пушистая, беленькая, только ушки да лапки до коленок чёрненькие, словно в сапожки одетые. Не налюбуется на него бабушка, балует. Разленился Васька, разнежился, не хотел даже холодное молоко пить. Пил только парное.

Так и жил Васька. С соседними котами не играл, а чтобы мышей ловить, так об этом и думать не хотел. Зато летом, едва из-за леса выглянет солнышко, Васька уже на ногах. Встанет, потянется, полюбуется на себя: «Какой, дескать, я

красивый да толстый» — и идёт к бабушкиной кровати. Поскребёт лапками по одеялу и замяукает:

— Мяу... мяу... вставай, бабушка, пора Бурёнку доить, меня парным молочком поить.

Встанет бабушка и отправится доить Бурёнку. И Васька с ней, ни на шаг не отстаёт. Доит корову бабушка, а Васька возле неё крутится, о ноги мордочкой трётся, слушает, как молочные струйки о подойник позванивают. Ходит, ходит да и замурлычет.

— Мур-рр... скорей бабушка...

Покосится иногда на Ваську Бурёнка, головой покачает:

— Какой ты лодырь, какой неженка, шёл бы мышей ловить.

Фыркнет на неё Васька и в избу убежит. Не любил он, когда ему правду в глаза говорили.

Но как Васька ни фыркал, как ни злился, скоро по всей деревне стали говорить, что живёт у бабушки лодырь — кот Васька. Начали над Васькой и соседние коты посмеиваться.

Так бы и жил Васька всю свою жизнь лодырем-лежебокой, но пронюхали про это мыши и перешли они из амбара в бабушкин чулан.

— Здесь нам будет спокойно,— сказала старая мышь.— Бабушкин кот за нами охотиться не будет. А если и погонится, так всё равно не поймает.

— Правильно,— засмеялись мыши и принялись хозяйничать в чулане.

Забеспокоилась бабушка, нет ей от мышей покоя: то мешо-

чек с крупой прогрызут, то в ларь с мукой заберутся, а то ухитрятся и в сметане свои мордочки помакают. Стала бабушка Ваську ругать, в чулан посылать:

— Иди, лежебока, погоняй мышей...

Поёжится Васька, поёжится, а с печки не слезает. Не хочется ему в холодный тёмный чулан идти. А мыши хозяйничают себе в чулане да над ленивым котом посмеиваются.

А одна мышка, что была самая проворная, ухитрилась и до Васькиного блюдечка добраться. Прогрызла она под столом дырочку в полу и начала воровать у Васьки его лакомства. Только положит бабушка Ваське в блюдечко кусочек мяса или творогу, а мышка уже тут как тут. Высунет из норки мордочку и смотрит, где Васька. Видит, что тот на печке потягивается, и совсем осмелеет. Выскочит, схватит лакомство и была такова. Придёт Васька к блюдечку, а оно пустое. Рассердится он, шерсть на спине дыбом поставит, да делать нечего, сам виноват — проспал. Идёт к бабушке просить ещё творогу.

Но однажды, когда бабушка была в поле, мышка из блюдечка всё дочиста вытаскала. Пришлось Ваське целый день голодом просидеть. Решил он отомстить мышкам за все их проказы. Долго он придумывал, долго собирался и, наконец, однажды ночью, слез Васька с печки, поёжился и побрёл в чулан. Там он уселся на крышку старого ларчика и стал ждать, когда придут мыши. А мыши услышали, что в чулане кот, и попрятались. Ждал Васька, ждал и захотелось ему спать. Потянулся он, зевнул, устроился поудобнее и захрапел. Услыхали мыши, что кот крепко уснул, даже храпит. Собрались они в кружок и стали думать, как лучше посмеяться над Васькой. Спорили мышки, спорили, пищали, пищали, пищали и, наконец, порешили общипать Васькин пушистый хвост.

— Вот будет забава! — сказала старая мышь,— пусть тогда Васька похвалится своей пышной, беленькой шёрсткой.

Порешили и сделали.

Проснулся Васька и ахнул. Куда девался его пушистый хвост? Вместо него торчал страшный, общипанный.

Заплакал Васька горькими слезами, хотел идти бабушке жаловаться, да чем бабушка ему поможет? Сидит Васька на ларчике и глаза лапками утирает, очень уж ему обидно: ка-

кой был хвост, какой белый, пушистый, как он теперь на улицу покажется? А мыши в своих норках сидят, слушают и со смеху покатываются.

Долго горевал Васька, глядя на свой общипанный хвост, долго придумывал, как отомстить мышам за их проказы. И решил он, что одному ему с мышами не справиться, идти же к соседним котам, звать их на помощь было стыдно.

«Не пойдут они,— думал Васька,— просмеют теперь меня коты».

Но как ни стыдно Ваське, всё же пошёл он к соседским котам. Внимательно выслушали его коты, не стали смеяться. А один из них, с рыжим пятном на спине, даже заявил:

— Выручать товарища нужно, раз попал он в беду. Нельзя оставлять одного.

Обрадовался Васька и тут же дал честное слово: больше не лодырничать, не спать день и ночь на печке и ходить вместе со всеми котами по амбарам гонять мышей.

На следующую же ночь отправились коты всей ватагой в бабушкин чулан порядки наводить, проказливых мышей гонять. Как узнали мыши, что идёт Васька с котами, напугались и разбежались кто куда.

С тех пор стали Ваську все уважать в деревне, а бабушка полюбила его ещё больше, начала мазать общипанный хвост топлёным масличком, и скоро выросла на нём новая шёрстка, да такая белая, такая пышная, во много раз лучше, чем прежняя. Даже неприветливая Бурёнушка и та, как увидит Ваську, ласково головой ему кивает и никогда больше лодырем и лежебокой его не называет.

ПО ГРИБЫ

Лев Сорокин ***Рисунки Е. Гилевой***

По грибы пошли мы с Зиной
С пребольшущею корзиной.

Путь нетруден,
недалёк,
В ближний смешанный лесок.

Мама утром там была,
Сто грибов она нашла.

Мы уверены:
вдвоём —
Вдвое больше наберём!

С Зиной вдоль и поперёк
Обошли мы весь лесок.

Под деревьями искали,
И траву мы раздвигали.

Обошли мы весь лесок —
А нашли один грибок!

А вот мама здесь была,
Утром сто грибов нашла.

И никак я не пойму:
Почему?

НЕПОСЛУШНЫЙ ПОРОСЁНОК

Б. Матвеев *Рисунки Л. Токмакова*

Большая толстая свинья Хавронья жила на свинарнике со своими поросятами. У неё было двенадцать розовых круглых поросят. Все они казались одинаковыми. У всех были курносые рыльца-пятачки, короткие ножки с перламутровыми копытцами, глазки-щелочки и хвостики-завитушки.

Одна только мать Хавронья могла отличить своих детей друг от друга.

На своих одиннадцать детей Хавронья не жаловалась, они были смирные, послушные, а двенадцатый, которого звали Хрю-Хрю, был озорник.

Он дрался со своими братишками и сестрёнками, кусался. А когда все спали, визжал и громко хрюкал.

Он всегда убегал от матери и делал всё не так, как хотела Хавронья. Много хлопот доставлял Хрю-Хрю толстухе Хавронье.

Однажды свинья повела своих поросят в дубовую рощу собирать жёлуди, один Хрю-Хрю не пошёл за матерью.

— Почему ты не идёшь в лес? — спросила его Хавронья.

— Я не люблю жёлудей! — ответил Хрю-Хрю.

— Глупый, что может быть вкуснее жёлудей? Все свиньи любят жёлуди. Пойдём!

— Нет, не пойду! Я хочу купаться! — сказал Хрю-Хрю и побежал к реке.

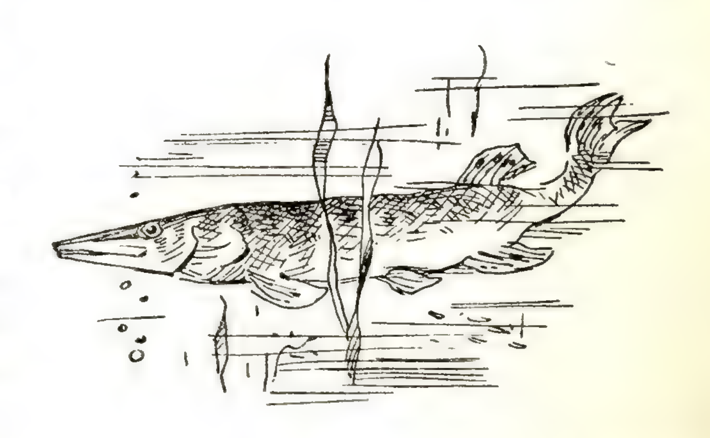
— Остановись! — крикнула Хавронья, — в реке нельзя купаться, ты там утонешь!

Хрю-хрю упрямо взвизгнул и припустился во весь дух к реке.

Хавронья, а за ней все одиннадцать поросят побежали за Хрю-Хрю. Но они скоро отстали.

Хрю-Хрю бежал очень быстро, только сверкали на солнце его копытца.

С разбега он влетел в воду и там остановился.

Недалеко в лодке сидел бородатый дед, колхозный рыболов, он сетку чинил.

— Видать поросёнок-то с колхозной фермы,— проговорил дед в свою седую бороду.

Хрю-Хрю стоял в воде, а мимо него плыла важная гусыня. За ней тянулись, быстро загребая воду красными лапками, жёлтые пушистые гусята.

— Га-га-га, — сказала гусыня, — ты утонешь, глупый поросёнок! Сидел бы на своей свиноферме с матерью.

А гусята запищали и начали смеяться над Хрю-Хрю:

— Попробуй поплавай, как мы. Не умеешь!

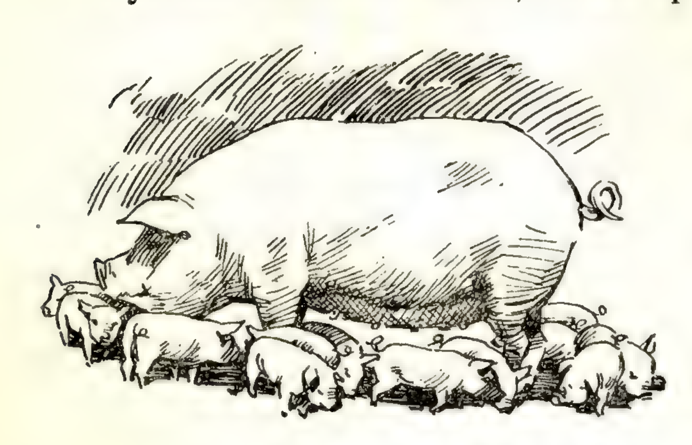
— Га-га-га, — хохотали гусята, а сами ныряли и кувыркались.

Хрю-Хрю так рассердился на гусят, что белая щетина на его спине поднялась ёжиком.

— А вот смотрите! — крикнул он и поплыл от берега.

Вода хорошо держала жирного Хрю-Хрю: он не тонул, а плыл всё дальше, рассекая воду своим пятачком. Только волны разбегались в разные стороны.

Гусыня всполошилась, даже крыльями захлопала по воде...

— Вернись, в глубине живёт злая зубастая щука! — крикнула гусыня испуганно.

— Она его проглотит, проглотит, — пищали гусята и жались к матери.

— Озорной поросёнок-то далеко уплыл, — сказал дед-рыболов.

Хавронья с поросятами прибежала на берег и жалобно стонала. Она видела, как Хрю-Хрю уплывал всё дальше на середину реки.

Щука лежала на дне реки, она пряталась в глубине от деда-рыболова. Щука увидела плывущего поросёнка, поднялась на поверхность и поплыла за ним.

Хрю-Хрю плыл быстро. Он работал в воде всеми четырьмя ногами и вертел хвостиком, как винтом. Но щука плыла ещё быстрее. Она догнала поросёнка и сцапала его за хвост.

Хрю-Хрю взвизгнул и скрылся под водой.

— Га-га-га! — закричала гусыня, — его схватила щука!

— Утонул, видать, поросёнок-то, — сказал дед-рыболов, взялся за вёсла и стал грести туда, где Хрю-Хрю пускал пузыри из-под воды.

Хавронья и все одиннадцать поросят плакали и визжали на берегу.

Дед-рыболов подъехал к месту, где исчез Хрю-Хрю, и забросил свою большую сеть.

Щука тащила Хрю-Хрю за хвост всё глубже. Она уже собиралась его проглотить, как вдруг её накрыла сетка. Щука метнулась и запуталась в ячейках сетки. Эта щука была очень жадная и хвост поросёнка не выпустила из зубов.

Дед-рыболов понемногу вытаскивал сеть в лодку. Вот из воды появился Хрю-Хрю, а за ним — щука.

— Попалась, разбойница, — сказал дед, когда увидел большую щуку, запутавшуюся в сеть.

Дед вытащил поросёнка и щуку в лодку.

Хрю-Хрю лежал, как мёртвый, — он наглотался воды.

А щука прыгала, рвалась, пыталась освободиться из сети. Но хвост Хрю-Хрю она всё-таки крепко держала.

Дед взял весло и ударил щуку по голове, и только тогда она выпустила хвост, а Хрю-Хрю очнулся и завизжал.

Дед взял Хрю-Хрю на руки и осмотрел ему хвост.

Хвост у Хрю-Хрю был прокушен, из ранки капала кровь. Дед завязал поросячий хвост тряпочкой.

Он подвёз Хрю-Хрю к берегу и выпустил на землю.

Хрю-Хрю подбежал к матери, повизгивая от радости.

Мать и поросята были очень рады, что Хрю-Хрю снова вместе с ними.

С тех пор Хрю-Хрю стал послушным поросёнком.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

На крутом берегу живописного озера Иссык-Куль стоит памятник-скала. На вершине скалы бронзовый орёл распростёр крылья над картой Центральной Азии. Гранитные ступени ведут к бронзовой медали с изображением портрета и к скромной надписи: «Путешественник Николай Михайлович Пржевальский».

Внизу плещется озеро, за ним белеет величественный Небесный хребет.

В истории науки есть учёные, дела которых живут века. К таким учёным относится Николай Михайлович Пржевальский.

Русский народ чтит его имя, как имя выдающегося деятеля науки, классика русской географии.

Он открыл неведомые области земного шара, он первым из путешественников-исследователей пересек великие пустыни Центральной Азии, прославил русскую науку.

Горячая любовь к Родине, страсть к дальним странствованиям появились у Пржевальского ещё в ранней юности.

Великий географ родился в 1839 году 31 марта в семье мелкого помещика Смоленской губернии в деревне Кимборово.

Отец Пржевальского, офицер-инвалид, умер, когда Коле было семь лет, а его брату Володе — шесть. Мать Пржевальского была энергичная женщина. Получив по завещанию ничтожное наследство, она отстроила недалеко от Кимборово небольшую усадьбу — Отрадное. Здесь-то и прошло детство и юность великого путешественника. Отрадненские поля и леса были первою школою Пржевальского.

«Рос я в деревне дикарём, — вспоминал Николай Михайлович. — Воспитание было самое спартанское».

Рано Коля пристрастился к охоте. В двенадцать лет получил от дяди в подарок охотничье ружьё.

Целые дни вместе с братом бродил он по лесам и полям, гонялся за красивыми бабочками, слушал пение птиц, собирал цветы.

С десяти лет Коля учится в Смоленской гимназии.

Мальчик имел блестящие способности и был одним из первых учеников.

Когда Пржевальский был в шестом классе гимназии, началась Крымская война. Героизм защитников Севастополя вдохновлял молодёжь и звал на ратные дела.

Юноша мечтает быть на полях сражений.

Окончив гимназию, Пржевальский поступает в армию, но участвовать в сражениях ему не пришлось, война закончилась.

Служа в полку, он много читает, попрежнему интересуется природой. Передвигаясь с полком, собирает гербарий растений. «Это навело меня на мысль, — писал он впоследствии, — что я должен непременно отправиться путешествовать».

Но куда? Какую часть света исследовать?

Все европейские страны в это время стремились в Африку.

Пржевальский решил отправиться в Центральную Азию,

неисследованную область земного шара. Это было рядом с русской границей.

Исследование Центральной Азии для русской науки было важнее, чем исследование Африки.

Но чтобы стать путешественником, нужно очень много знать. Пржевальский начинает готовиться к экзаменам в Академию Генерального штаба.

Выдержав экзамен, он стал слушателем Академии Генерального штаба в Петербурге.

В Петербурге Николай Михайлович очень много читает, пишет. Его труд «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» был напечатан. Русское Географическое общество отметило высокие достоинства этой книги и избрало Пржевальского своим действительным членом.

Окончив Академию, Пржевальский преподает географию в Варшавском юнкерском училище.

«В течение двух лет и нескольких месяцев я в уверенности, что рано или поздно осуществлю заветную мечту о путешествии, изучал ботанику, зоологию, физическую географию и прочее, а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров, которые относились ко мне с большой симпатией. Вставал я очень рано и почти всё время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия», — писал он об этом периоде своей жизни. Готовясь к путешествию, он научился прекрасно препарировать птиц и набивать чучела.

С трудом добился Пржевальский назначения на службу в Восточную Сибирь.

В 1867 году на пути в Сибирь он встретился в Петербурге со знаменитым путешественником Петром Петровичем Семёновым-Тян-Шанским. Изложив ему свой замысел путешествия в Центральную Азию, Пржевальский просил содействия Русского Географического общества, где Семёнов занимал видное положение.

Общество не решилось снарядить экспедицию, так как Николай Михайлович ещё не проявил себя как путешественник.

Но Семенов-Тян-Шанский обещал в будущем помощь, если Пржевальский на собственные средства проведёт какие-либо интересные исследования в Уссурийском крае.

С рекомендательным письмом Петра Петровича едет Николай Михайлович в Сибирь, добивается командировки в Уссурийский край.

Два года странствий по Уссурийскому краю были его экзаменом на путешественника. Этот экзамен был выдержан блестяще.

О малоизвестном тогда Дальнем Востоке он собрал всесторонние сведения и описал их в книге «Путешествие по Уссурийскому краю».

И вот мечты Пржевальского сбылись. Географическое общество посылает его во главе экспедиции в Монголию, Китай и Тибет.

В исследовании китайских и монгольских районов Центральной Азии Николай Михайлович занял одно из первых мест. Почти десять лет он провёл в путешествиях по этим районам.

Уже первое его путешествие по Уссурийскому краю обогатило сведения об этой тогда мало исследованной стране. Он изучил верховья реки Уссури, озеро Ханка, южную часть хребта Сихотэ-Алинь, побережье Японского моря.

Но результаты этого путешествия совершенно бледнеют перед великими открытиями, сделанными им в Центральной Азии.

Об этой стране до Пржевальского мир почти ничего не знал. Все данные о Центральной Азии получали из скудных китайских источников, неточных и отрывочных.

Пржевальский первым из европейцев проник в самый центр нагорной высотной Азии.

Верхом на лошади в сопровождении небольшого отряда всадников и каравана верблюдов он прошёл путь, почти равный по длине земному экватору. Он изъездил и изучил высочайшее Тибетское плоскогорье, мощную горную систему Куэнь-Лунь, загадочные реку Тарим и озеро Лоб-Нор, верховья реки Хуанхэ и Янцзы, огромную пустыню Гоби, открыл более полутора десятков горных хребтов, ряд озёр и рек.

Но Пржевальский не ограничивался только одной географической работой. Он первый осветил природу, растительный и животный мир Центральной Азии. Колоссальную, не имеющую себе равных, коллекцию растений и животных он подарил Академии наук.

Знаменитый исследователь Гималайских гор Гукер писал о Пржевальском:

«Стэнли и Ливингстон были отважными пионерами, но они только сумели проложить на карте пройденный путь. Для изучения же природы ими ничего не сделано, а после знаменитого Барта пришлось посылать особого человека, чтобы нанести его маршрут на карту. Один только Пржевальский соединил в своём лице отважного путешественника с географом и натуралистом».

Пржевальский был необычайно гуманным человеком. И это качество было залогом его успеха. От своих спутников по экспедиции он требовал строгую дисциплину и в то же время с братской заботливостью относился к ним. Благодаря этому во время путешествий ни один из его спутников не погиб, все сохранили к нему чувство любви и уважения. Гуманным был он и по отношению к туземцам. Он не заходил в их жилища, не предъявлял к ним требований. Монголы и тибетцы, убедившись в добрых намерениях русских, приветливо встречали путешественников.

Заветной мечтой Пржевальского всю жизнь была мечта попасть в Лхассу, столицу Тибета. Он дошёл до неё, но мирная толпа тибетцев преградила ему путь в Лхассу, прося не продолжать путь на юг, не нарушать обычаев Тибета. Пржевальский, как ему это ни было тяжело, уважая обычай тибетцев, не стал настаивать и ушёл в обратный путь.

Величайший путешественник был скромен. Он говорил, что большая часть заслуг экспедиции принадлежит не ему, а его сподвижникам. «Без их отваги, энергии и беззаветной преданности делу, конечно, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сделано».

Пржевальский никогда не пускался в новое путешествие, не обработав материалов предыдущей экспедиции.

В увлекательной и вместе с тем в строго научной форме

описывает он природу Центральной Азии, быт местного населения, приключения во время пути в своих книгах: «Монголия и страна тангутов», «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор» и другие.

В августе 1888 года Пржевальский выехал из Петербурга в пятое путешествие по Центральной Азии, но дорогою заболел и 20 октября скончался в городе Караколе (ныне Пржевальск).

Слава пришла к Пржевальскому при жизни. Русский народ по достоинству оценил труды и таланты Николая Михайловича. Он был награждён многочисленными золотыми и серебряными медалями русских и иностранных научных обществ и академий. Из всех наград Пржевальский особенно ценил именную золотую медаль Российской Академии наук со скромною надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии 1886 г.».

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

1840 – 1893
6
НОЯБРЬ

Алапаевск. Большой одноэтажный дом с мезонином. Широкая лестница ведёт к парадным дверям. Густой, тенистый сад...

В этом доме провёл лучшие детские годы великий русский композитор Пётр Ильич Чайковский.

Отец Пети был горным инженером. Он работал сначала начальником Камско-Воткинского завода, потом управляющим Алапаевскими и Нижне-Невьянскими заводами на Урале.

Здесь, на Урале, и прошло детство Чайковского. У Чайковских была дружная, хорошая, трудолюбивая семья. А Петя был в семье общим любимцем. Он был ласковым, отзывчивым мальчиком. Уже в детстве у него было одно очень крепкое и прочное увлечение — музыка. С пяти лет он начал брать уроки музыки у педагогов. Но о профессии музыканта тогда ещё не мечтал.

Жизнь Чайковского вначале складывалась совсем иначе. Он окончил училище правоведения. Потом поступил на службу в канцелярию и стал вести обычную для молодого чиновника

жизнь. Его увлекали балы, маскарады, любительские спектакли. Но такая жизнь очень скоро наскучила одарённому юноше. Его всё больше привлекал театр. «Ивана Сусанина» Глинки и «Дон Жуана» Моцарта — свои любимые оперы — он мог слушать десятки раз.

Когда в сентябре 1862 года в России была создана первая консерватория, Чайковский стал её студентом. Из блестящего молодого повесы Чайковский превратился в скромного, трудолюбивого музыканта. Таким он оставался всю свою жизнь.

Жизнь Чайковского в искусстве, в музыке была нелёгкой. Это была жизнь неустанного труженика. Он работал много и напряжённо, не знал лени и скуки. Он не ждал, когда к нему «придёт вдохновение».

«Я положил себе во что бы то ни стало каждое утро что-нибудь сделать и добьюсь благоприятного состояния духа для работы»,— говорил он.

Творчество доставляло Чайковскому огромную радость. Оно было самым большим счастьем его жизни.

Но много было в этой жизни и неприятных, горьких минут: Чайковский далеко не сразу завоевал славу великого композитора. Ему приходилось выслушивать и читать о себе в газетах много неприязненных отзывов. Были музыкальные критики, которые объявляли его бездарным, а его произведения — неудачными.

Но у Петра Ильича была крепкая воля, настойчивость, вера в свои силы, а главное — любовь к музыке. И это помогало ему в трудную минуту. Он никогда не опускал рук. Каждая неудача заставляла его только упорнее трудиться.

У Чайковского были враги, которые не понимали его простой, доходчивой музыки. Но гораздо больше было друзей, которые поддерживали его, видели в нём величайшего русского композитора.

Большим и близким другом Чайковского стал Николай Рубинштейн, брат знаменитого пианиста и композитора Антона Рубинштейна. Николай Рубинштейн руководил в Москве музыкальными курсами, он стоял во главе всей музыкальной жизни Москвы, ободрял и поддерживал талантливых музыкантов. Николай Рубинштейн познакомил Чайковского с крупнейшими

писателями того времени. И каждый из них по-своему полюбил композитора и помогал ему в творчестве.

Поэт Владимир Фёдорович Одоевский учил композитора любить народное творчество. Драматург Александр Николаевич Островский дал ему сюжет для оперы «Воевода». С наслаждением писал Чайковский музыку к пьесе Островского «Снегурочка».

Другом и учеником Чайковского был Танеев, выдающийся русский композитор и учёный-музыкант. Он был прекрасным пианистом и первым исполнителем фортепианных произведений Чайковского.

Глубоко любил талант Чайковского Лев Толстой. Тепло отзывался о композиторе Тургенев, особенно любивший «Евгения Онегина». Восхищался музыкой Петра Ильича Чехов.

«Я готов день и ночь стоять почётным караулом у крыльца того дома, где живёт Пётр Ильич, до такой степени я уважаю его, — писал Чехов. — Если говорить о рангах, то в русском искусстве он занимает теперь второе место после Льва Толстого».

У Чайковского было много друзей среди писателей, музыкантов, критиков. Но ещё больше друзей было у него среди широкой публики. Музыка Чайковского с каждым годом приобретала всё большее признание.

За что любили музыку Чайковского широкие массы слушателей? Чайковский — большой реалист в музыке. Он считал, что музыка может и должна раскрывать внутренний мир человека, переживания, чувства. Он стремился к тому, чтобы его музыка была простой, правдивой, понятной. «Мне кажется, — писал он сам, — что я действительно одарён свойством правдиво, искренно и просто выражать музыкой те чувства, настроения и образы, на которые наводит текст. В этом смысле я реалист и коренной русский человек».

Чайковский был человеком большой души. Он любил людей. Он хотел людям счастья. Он мечтал о жизни, в которой не будет нищеты, унижений, горя. Но окружающая Чайковского жизнь была тяжёлой и мрачной. Пётр Ильич видел, как тяжело живут крестьяне. Царский режим давил, угнетал и русскую

интеллигенцию. Чайковский не видел выхода из того тяжёлого состояния, в котором находилась его родина.

Вот почему в его произведениях светлые настроения чередуются с мрачными мотивами. Но эти мрачные настроения в произведениях Чайковского всегда побеждаются светлыми, жизнерадостными. Чайковский воспевает жажду жизни, прославляет лучшие, благородные черты в характере русского человека.

Чайковский — очень многосторонний композитор. Он писал оперы, балеты, симфонии, фортепианные концерты, трио, квартеты и многие другие музыкальные произведения.

Самую большую славу принесли Чайковскому его оперы, балеты и симфонии.

Слушателям всего мира знакома замечательная опера Чайковского «Евгений Онегин».

Пётр Ильич всегда мечтал о том, чтобы написать оперу на простой сюжет. Он хотел, чтобы в ней жили и действовали простые люди, а не какие-то особенные герои, боги или фантастические образы, которые в то время были персонажами оперных спектаклей. И когда его приятельница Екатерина Андреевна Лавровская подала ему мысль написать оперу на сюжет пушкинского «Евгения Онегина», он очень обрадовался. Пушкина Чайковский ценил высоко. Его восхищало не только содержание пушкинских сочинений, но и сама форма стиха, в котором, по словам композитора, всегда слышится музыка. И в своей опере «Евгений Онегин» Чайковский переложил на язык музыки пушкинский стих.

Опера Чайковского так же проста, поэтична, гуманна, как роман в стихах Пушкина. Как и Пушкин, Чайковский любил героев «Евгения Онегина». Больше всех любил он Татьяну. В её образе, вслед за Пушкиным, он воплотил лучшие черты характера русской женщины.

Простая, естественная, без красивых эффектов, искренняя опера Чайковского не сразу понравилась слушателям, которые не привыкли, по словам брата Чайковского Модеста, видеть на сцене «помещиц, нянюшек, провинциальных барышень, генералов и господ во фраках, распевающими арии и дуэты».

Со временем эта опера завоевала огромную любовь и при-

знание и до сегодняшнего дня не сходит со сцены советских театров.

Советский зритель любит эту оперу за теплоту и человечность, за поэтичность и ясность, за то, что она по-новому возрождает лучшие пушкинские образы.

Не менее известна другая опера Чайковского — «Пиковая дама». Она написана Чайковским за 44 дня и впервые поставлена 7 декабря 1890 года в Мариинском театре в Петербурге. Эта опера с первых дней её появления на сцене пользовалась огромным успехом.

Из других опер Чайковского самые популярные «Черевички» и «Иоланта».

В «Черевичках» Чайковский использовал сюжет повести Гоголя «Ночь перед рождеством». В этой опере, жизнерадостной, весёлой, яркой, Чайковский почувствовал и чудесно передал мягкий юмор Гоголя, обстановку любимой им Украины, сочные гоголевские образы.

Одноактная опера «Иоланта» написана на сюжет драмы датского поэта Генриха Герца.

Шестнадцатилетняя Иоланта, слепая дочь короля, живёт в уединённом замке. От девушки скрывают её слепоту. Она не знает, что мир можно не только ощущать и слышать, но и видеть. Принц Роберт, случайно попавший в замок, открывает Иоланте её тайну. В девушке пробуждается жажда света. Мавританский врач оперирует слепую и возвращает ей зрение. С изумлением и любовью смотрит Иоланта на мир и на того, кто пробудил в ней жажду света.

В «Иоланте» Чайковский выразил своё стремление к светлой, радостной жизни, свою веру в то, что эта жизнь наступит.

Не только оперы, но и балеты Чайковского любимы советским зрителем. Среди них наиболее популярные «Лебединое озеро» и «Щелкунчик».

В «Лебедином озере» фантастический сюжет.

Это сказка, но и в неё Чайковский вкладывает большое человеческое содержание. В музыке балета мы слышим тоску о лучших, благородных человеческих чувствах. В этот балет композитор вложил свою мечту о светлой жизни и прекрасных людях.

Весёлая и прелестная сказка-балет «Щелкунчик» тоже человечна, гуманна. В ней мы встречаемся с великодушной и храброй девочкой Машей, которая не побоялась встать в опасную минуту на защиту подаренной ей игрушки — куклы Щелкунчика. Она спасает Щелкунчика от гибели и этим превращает уродливую куклу в прекрасного принца.

Если в большинстве балетов и опер жизнерадостное настроение, светлое чувство побеждает, то величайшие симфонии, четвёртая и шестая, отражают стихийный протест гуманного художника против мрачной реакции, которая царила в России.

«В настоящее время даже самому мирному гражданину тяжело живётся в России», — говорил Чайковский. Живя в деревне, композитор видит, что реформа 1861 года не облегчила положение крестьянства. Он видит темноту и тяжёлый труд народа. Он хочет, но не может ничем помочь ему.

У него появляется чувство бессилия, тоски, чувство гнева; так рождается вершина мирового симфонического искусства — шестая симфония.

В этой симфонии Чайковский выразил настроения той части русской интеллигенции, которая не могла найти выхода из тяжёлой, гнетущей атмосферы царской России.

«Я не хотел бы, чтобы из-под моего пера являлись произведения, ничего не выражающие», — говорил Чайковский.

У Чайковского нет ни одного произведения, в котором не было бы простого, ясного, а главное, глубоко человечного содержания.

Пётр Ильич страстно любил всё русское: русскую природу, красоту русского характера и русского лица, русские народные песни, музыку, искусство. И эта любовь к народной поэзии и к народной жизни делает его произведения такими понятными, близкими, волнует и восхищает нас.

Чайковский ненавидел жестокость, несправедливость современной ему жизни. Как гениальный художник, он понимал, что светлое и справедливое в жизни обязательно победит. И поэтому он воспевал лучшие человеческие чувства, прекрасные и благородные человеческие характеры.

Сейчас мы живём в той жизни, которую Чайковский предчувствовал, угадывал, в которую верил. И, слушая его музыку, мы вместе с ним радуемся всему светлому и радостному, что композитор воспевал в жизни и в человеке.

Н. П. ОГАРЁВ

В 1825 году царским правительством было подавлено восстание декабристов, первых русских революционеров. В России начались жесточайшие преследования всех, кто осмеливался обмолвиться хотя бы единым словом против самодержавия и крепостного права. Многие передовые русские люди были посажены в тюрьмы, угнаны на каторгу, отданы в солдаты. Но преследования эти испугали только слабых и малодушных.

Однажды вечером двое юношей, поднявшись на Воробьёвы (ныне Ленинские) горы, возвышающиеся над Москвой, дали перед лицом древней русской столицы торжественную клятву: в течение всей жизни рука об руку бороться против царя и помещиков за счастье трудового народа. Клятву свою юноши сдержали. Один из них, Александр Иванович Герцен, впоследствии стал великим русским мыслителем-революционером. Другой, Николай Платонович Огарёв, — видным поэтом, ближайшим сподвижником, товарищем Герцена по борьбе с самодержавием.

Н. П. Огарёв родился в 1813 году в семье богатого помещика. Ещё в детстве он постоянно наблюдал, как помещики заставляют крепостных работать до изнеможения, обращаются с ними хуже, чем с рабочим скотом, засекают их насмерть плетьми, продают, проигрывают в карты, меняют на собак. Молодой Огарёв видел, что крестьяне смертельно ненавидят своих угнетателей, горячо сочувствовал им. Он дал себе слово продолжить дело декабристов. Рано завязавшаяся дружба с Герценом помогла осуществить это решение.

Учась в Московском университете, друзья установили связь с революционным студенческим кружком, выступали против

грубых и невежественных профессоров, ставленников царского правительства, всеми способами старались выразить свою ненависть и презрение к самодержавно-помещичьему строю. В 1834 году Огарёв был арестован. Но ни пребывание в тюрьме, ни ссылка на пять лет в Пензенскую губернию не поколебали убеждений мужественного революционера.

Став после смерти отца владельцем 4 000 крепостных, Огарёв отпустил их на свободу. В условиях крепостничества это было до дерзости смелым поступком, прямым вызовом царскому правительству.

В 40-е годы Огарёв пытался создать тайное общество, но неудачно. Его снова арестовали. В условиях полицейского режима, установленного в России, нечего было и думать о революционной работе. В 1856 году Огарёв покинул родину и направился в Лондон, к Герцену, который ещё раньше выехал из России. Друзья стали издавать журнал «Колокол», который затем тайно распространялся в России. В статьях и стихах, печатавшихся в «Колоколе», Огарёв рисовал невыносимо тяжёлое положение трудового народа, резко выступал против произвола царя и помещиков. Он призывал к немедленному уничтожению крепостного права, к наделению крестьян землёй.

Первое время Огарёв, как и Герцен, надеялся, что царь даст свободу крепостным, обеспечит их землёй. Но вот в 1861 году царское правительство, испугавшись крестьянских восстаний, развития революционного движения в стране, отменило, наконец, крепостное право. Однако это «освобождение» не улучшило, а ухудшило положение крестьянства, которое, избавившись от кабалы помещичьей, попало в новую, во много раз более худшую кабалу к капиталистам. Это очень скоро поняли все передовые русские люди. Огарёв гневно писал в «Колоколе»:

«...народ царём обманут», «старое крепостное право заменено новым»...

Подлинной свободы можно было добиться только путём революции. Соглашаясь с вождём русской революционной демократии Н. Г. Чернышевским, призывавшим народ «к топору», Огарёв писал:

Надо самим взяться за топор.
Только тогда мы царям да боярам
Можем дать должный отпор.

Многие стихи Огарёва, отпечатанные в виде листовок, ходили по рукам, поднимали народ на решительную борьбу с угнетателями. Обращаясь к «голи крестьянской и рабочей», поэт призывал в одной из таких листовок:

...Мы расправу учинить должны,
Суд мирской царю да ворогам.
Припасайте петли крепкие
На дворянские шеи тонкие...

Но разрозненные крестьянские «бунты» обречены на неудачу. К победе над царизмом, к освобождению трудящихся от векового гнёта может привести только всенародное вооружённое восстание, руководимое революционной организацией. Это отчётливо сознавал Огарёв. Он был одним из организаторов первой русской революционно-демократической организации «Земля и воля», разработал программу действий этого общества и план вооружённого восстания в России.

Взгляды Огарёва были близки взглядам Чернышевского, наиболее последовательного и непримиримого из всех русских революционеров-демократов. Огарёв всегда требовал от Герцена решительного сближения с «партией Чернышевского». Он был готов в любой момент вернуться в Россию и примкнуть к восставшему народу.

Однако революция в России в 60-е годы XIX века не произошла. Разобщённое и разрозненное крестьянство, ещё не имевшее настоящего руководителя в лице революционного рабочего класса, было способно только на отдельные вспышки недовольства, на стихийные бунты, которые без особого труда подавлялись царским правительством. Герцен и Огарёв, выражавшие взгляды крестьянства, не понимали ведущей роли рабочего класса в революции.

Тем не менее значение деятельности таких революционеров, каким был Н. П. Огарёв, очень велико. Борясь за уничтожение помещичьей власти, за освобождение трудящихся от всех видов гнёта, они положили начало революционно-демократическо-

му направлению в русском освободительном движении, во многом способствовали подготовке русской революции, победившей в 1917 году.

Н. П. Огарёв умер в 1877 году. Узнав о его смерти, крестьяне, некогда освобождённые им от крепостной зависимости, в память о писателе основали в своём селе библиотеку. Для того времени это было событием совершенно исключительным. Подавляющее большинство крестьян было неграмотно. Однако правдивый голос поэта-патриота проник и в глухую деревню, нашёл путь к сердцам тёмных, забитых, невежественных крестьян.

Горячо любя народ, непоколебимо веря в его грядущую победу над угнетателями, Огарёв писал:

...не погибнет наше слово,
Оно отыщет где-нибудь
Средь поколенья молодого
Способных далее шагнуть

Поэт оказался прав. Произведения Огарёва, как и произведения Герцена, изучались в подпольных революционных кружках. Их деятельность была высоко оценена Коммунистической партией, наследницей всего лучшего, что было в российской демократии.

Ленинская газета «Правда» писала в 1913 году: «По направлению своей мысли Огарёв шёл значительно дальше Герцена. Он верил в торжество социализма. В нём видел он спасение человечества».

Великая Октябрьская социалистическая революция претворила в жизнь все самые смелые мечты революционеров.

Во дворе Московского государственного университета установлены памятники Герцену и Огарёву. На Ленинских горах, где друзья давали клятву на верность трудовому народу, высится новое здание Московского университета. Юноши и девушки, которым предстоит учиться в этом великолепном Дворце науки, как и весь советский народ, хранят благородную память о русских революционных демократах, посвятивших свои жизни борьбе за счастливое будущее трудящихся.

В. П. ЧКАЛОВ

Спокойно катит свои могучие волны Волга. Покачивается на волнах пароход. На палубе — пассажиры. Вдруг чей-то тревожный крик: «Человек за бортом!»

Испуганно засуетились пассажиры, в напряжённой позе застыл на мостике капитан.

— Фу ты, дьяволёнок! — раздаётся, наконец, голос капитана, в котором сквозь негодование слышится восхищение, — ведь это Валька, котельщика Павла Чкалова сынишка!

А Валька, который сумел незаметно подплыть к пароходу, нырнуть с него и бесконечно долго плыть под водой, озорно хохочет вслед удаляющемуся пароходу.

Сын богатыря-котельщика из слободы Василёво, Валерий, здоровьем и сложением пошёл в отца. Детство его было полным приключений и смелых игр.

Зимой Валерий целыми днями ходил на лыжах. С головокружительной быстротой мчался с отвесного берега на замёрзшую гладь Волги. Не боялся ни обрывов, ни жестокого мороза.

В плавании, в катании на лыжах, в охоте или рыбной ловле Валерий всегда был вожаком шумной ватаги сверстников. Коренастый, широкоплечий, сильный не по возрасту, он любил состязаться в борьбе с несколькими ребятами одновременно и не успокаивался до тех пор, пока не выходил победителем.

Семи лет Валерий пошёл в сельскую школу. Учился прилежно. Затем поступил в ремесленное училище в гор. Череповце, но закончить училище не пришлось: наступил 1918 год. Гражданская война. Валерий вернулся домой. Поработал вместе с отцом подручным молотобойцем, а потом стал плавать на пароходе кочегаром.

Однажды в Нижнем Новгороде (так раньше назывался гор. Горький) Валерий увидел гидросамолёт. Он не мог оторвать глаз от великолепной стальной птицы, которая умела ещё и

плавать. Судьба смелого юноши была решена: он непременно станет лётчиком, чего бы это ему ни стоило.

С напористостью, свойственной ему с детства, Валерий Чкалов начал добиваться осуществления своей мечты. Он пошёл добровольцем в Красную Армию и стал слесарем по ремонту самолётов. Это был первый шаг. Затем — Егорьевская авиационная школа, Борисоглебская школа лётчиков, Московская школа высшего пилотажа, Высшая школа стрельбы и бомбометания. Валерий Павлович Чкалов стал лётчиком-истребителем.

Мужественный, отважный человек, он на старых машинах делал чудеса. Его смелый характер, непреклонная воля подчиняют машину. Самые замысловатые фигурные полёты, полёты вверх колёсами, меткая стрельба — всё это позволило Чкалову в короткий срок опередить лучших лётчиков эскадрильи, в которой он служил.

Но Валерий Павлович никогда не успокаивался на достигнутом. В нём постоянно бурлила творческая мысль, он рвался к новым победам.

Чкалов становится лётчиком-испытателем новых самолётов. Друзья прозвали Валерия Павловича «крёстным отцом» только что созданных машин. Он летал абсолютно на всех самолётах, бывших в эксплуатации и появившихся вновь.

В любое дело Валерий Павлович вкладывал огромную энергию. Он участвовал в ряде грандиозных перелётов, прославивших советскую авиацию.

В июне 1936 года Чкалов вместе с Байдуковым и Беляковым совершил беспосадочный перелёт по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке. Условия полётов в Заполярье в то время были очень мало изучены, перед экипажем самолёта стояли большие трудности. Несмотря на это, расстояние в 9374 километра было покрыто за 56 часов 20 минут. Перелёт продемонстрировал отличные технические качества советского самолёта, выдающееся мастерство наших лётчиков. Чкалову, Байдукову и Белякову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Через год этот же героический экипаж совершил новый перелёт. Вылетев из Москвы 18 июня 1937 года самолёт АНТ-25

пересек Северный полюс и 20 июня достиг американского города Портленда, покрыв огромное расстояние без посадки.

Каждый полёт Валерия Павловича Чкалова знаменовал собою новую победу над стихией, приносил Родине неувядаемую славу.

Исключительно выносливая натура, природный талант, бесстрашие, выдержка, умение найти быстро и правильно выход из самого трудного положения — вот те качества, которыми был щедро наделён Чкалов и без которых не может быть настоящего лётчика.

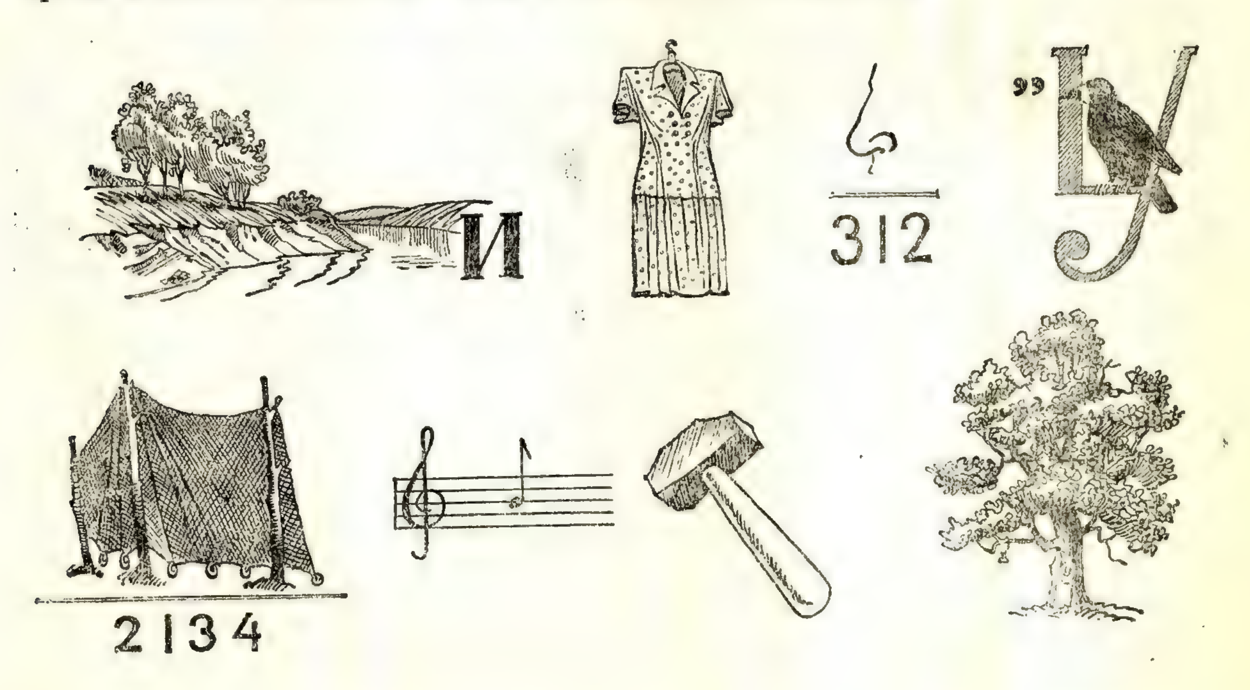
Валерий Павлович был честным, прямым, весёлым человеком и задушевным товарищем.

15 декабря 1938 года радио разнесло скорбное сообщение: «Правительство Союза ССР с глубоким прискорбием извещает о гибели великого лётчика нашего времени Героя Советского Союза товарища Валерия Павловича Чкалова при испытании нового самолёта».

Чкалов любил людей и ради их жизни отдал свою. Когда мотор самолёта начал сдавать и лётчик понял, что до аэродрома ему не дотянуть, он стал выбирать место для посадки. Но кругом было жильё. Лётчик направил машину туда, где на земле не было людей, — на груду камня. До конца своей жизни не выпустил из рук управления самолётом. Он сдержал клятву, данную товарищу Сталину: «я буду держать штурвал самолёта до тех пор, пока в моих руках имеется сила, а глаза видят землю».

РЕБУС

Расшифруйте ребус и вы узнаете старинную пословицу. Кто из классиков русской литературы взял эту пословицу эпиграфом к своей повести? Как называется повесть?

Прочитанная вами пословица использована и в названии книги хорошо известного детям советского писателя. Назовите книгу и фамилию её автора.

ЗИМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Из каких произведений классической литературы взяты эти строки?

1

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-океаны —
Построю дворцы изо льда.

2

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег
лежит,
Прозрачный лес один
чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом
блестит.

3

На севере диком стоит
одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и
снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

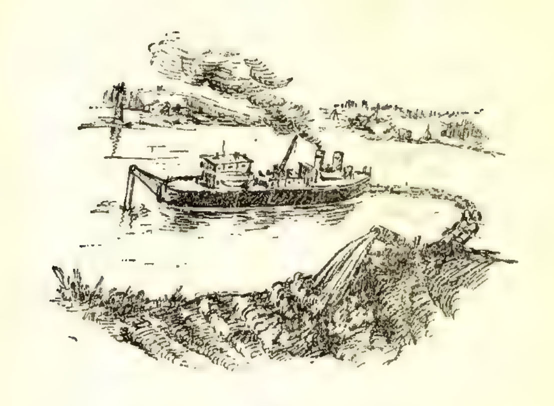
ЗИМА В РУССКОЙ ЖИВОПИСИ

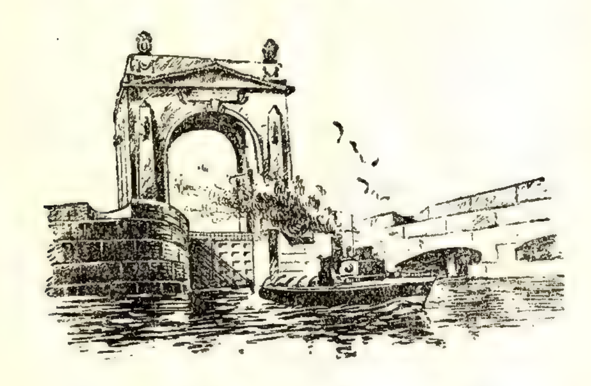
Назовите четыре картины великого русского художника-живописца В. И. Сурикова, на которых изображена зима или действие, происходящее в зимней обстановке.

СТИХИ-ЗАГАДКИ

1

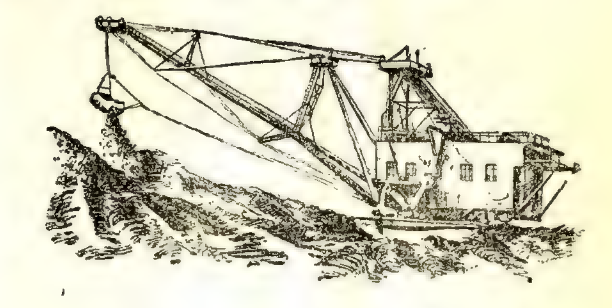
Я реке и друг и брат,
Для людей трудиться рад.
Я машинами построен,
Сократить пути могу
И от засухи, как воин,
Лес и поле берегу.

2

Длинным хоботом — трубой
Дно и берег я разрою:
Землю я возьму с собой
И огромный вал построю.
Ну, а воду, всем понятно,
В реку выпущу обратно.

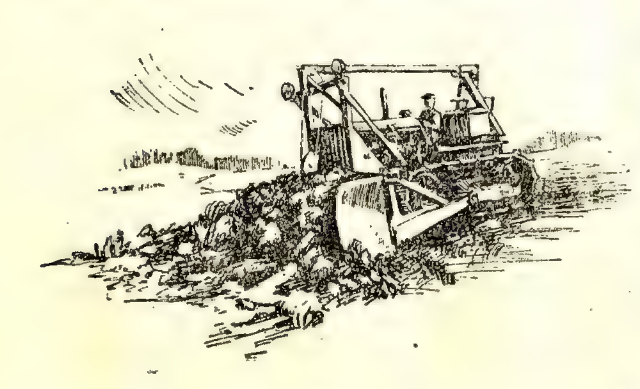

3

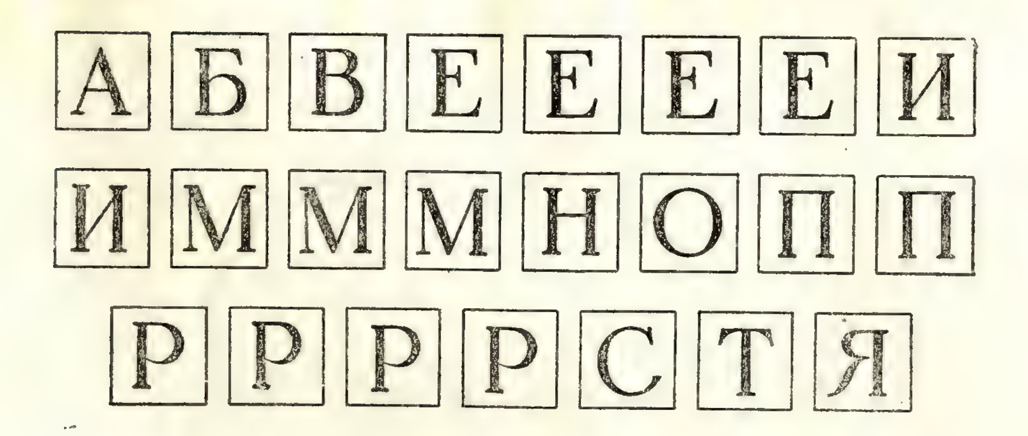
Отворяю я ворота:
Гости новые пришли!
Начинается работа —
Поднимаю корабли.
Чтобы шли своей дорогой,
Не страшась речных порогов,
Чтобы к рекам шли иным
По ступенькам водяным.

4

Словно рубанок,
землю строгаю.
Делать дороги
я помогаю.
Где новостройка —
всюду вниманье
Славной машине
с трудным названьем.

ГОЛОВОЛОМКА С БУКВАМИ

Нарежьте из бумаги 23 квадратика и напишите на них буквы, которые показаны на рисунке. Попытайтесь из всех 23 букв составить известную пионерскую пословицу. Используя те же буквы полностью, можно составить несколько групп слов — имён существительных.

ГДЕ ЛЫЖНИКИ?

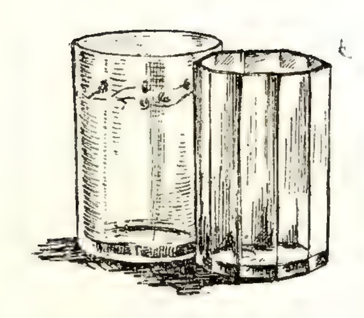

Зима установилась, зайцы выехали на прогулку и не подозревают, что в лесу уже много лыжников-ребят.

Помогите зайцам найти лыжников и сосчитать, сколько их.

ЗА ЧАЙНЫМ СТОЛОМ

1. Почему гранёные стаканы обычно лопаются чаще, чем гладкие?

2. Почему, чтобы остудить горячий чай, на него дуют?

3. Почему электрические чайники делают блестящими?

4. Почему чайники для заварки, перед тем как заварить чай, ополаскивают кипятком?

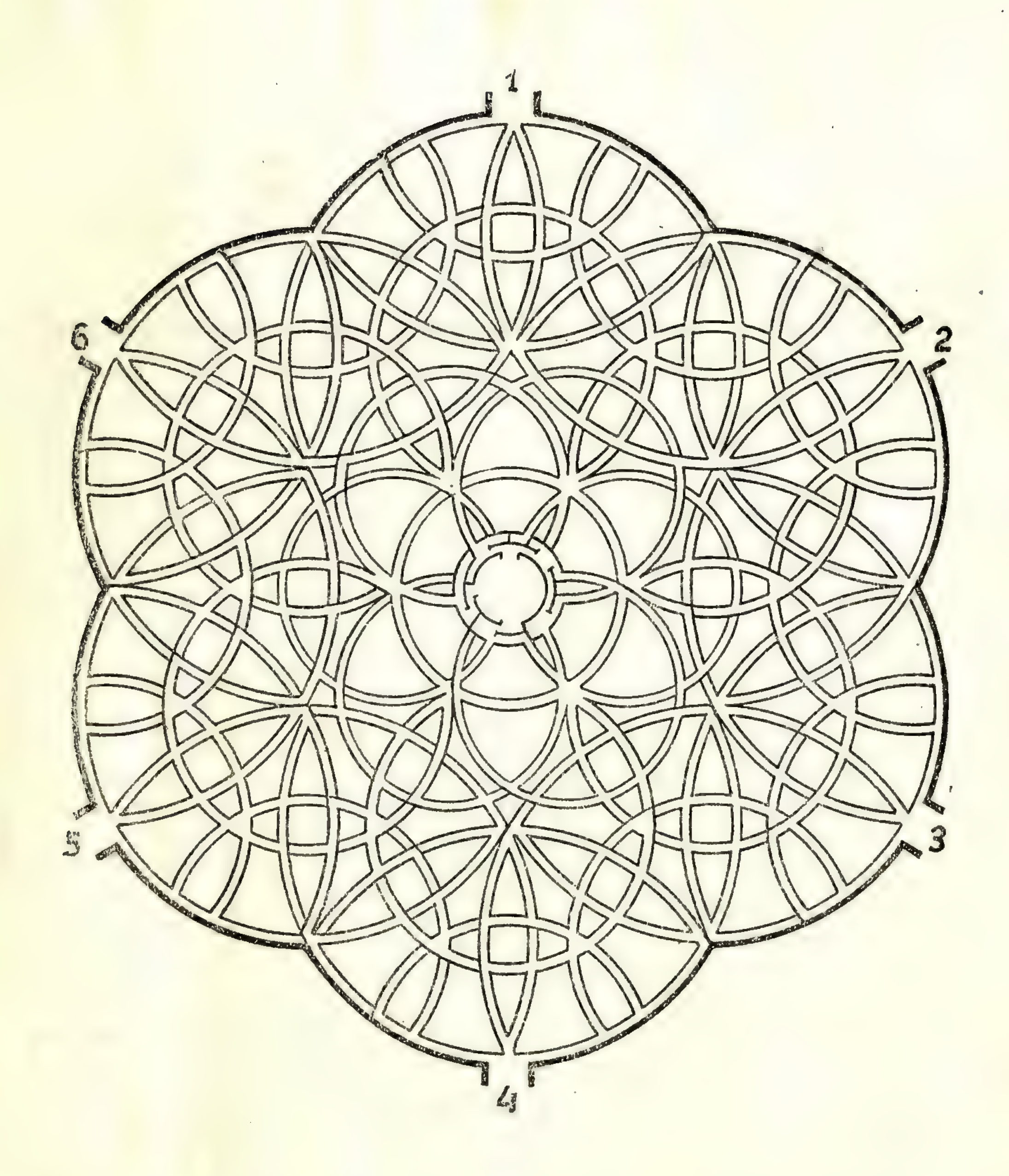
5. Почему самовар «поёт», перед тем как закипеть, а также тогда, когда начинает остывать?

6. Почему, после того как мы размешаем чай в стакане, чаинки собираются в центре его дна? Ведь, казалось бы, что, будучи тяжелее воды, они под действием центробежной силы должны прижиматься к стенкам стакана?

7. Почему у чайных стаканов дно делается несколько толще, чем стенки?

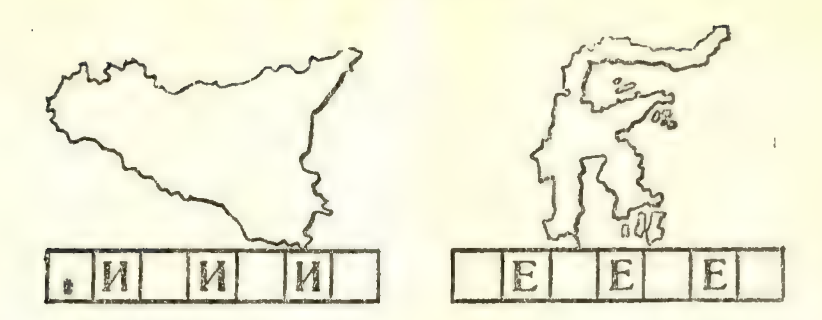
ЛАБИРИНТ

На рисунке изображён лабиринт, имеющий шесть входов. Однако только один из них позволит вам найти путь к центру лабиринта.

Поищите этот путь, и не смущайтесь, если он окажется длинным и извилистым.

ДВА ОСТРОВА

Впишите в клетки недостающие буквы, чтобы получились названия двух изображённых здесь островов.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ И ЗАДАЧИ

Ребус. Пословица «Береги платье снову, а честь смолоду» служит эпиграфом к повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина. Она использована советским писателем А. Первенцевым в названии книги «Честь смолоду».

Зима в русской литературе. 1. Н. А. Некрасов «Мороз, Красный нос», 2. А. С. Пушкин «Зимнее утро», 3. М. Ю. Лермонтов «На севере диком стоит одиноко...»

Зима в русской живописи. 1. Боярыня Морозова. 2. Взятие снежного городка. 3. Меньшиков в Берёзове. 4. Переход Суворова через Альпы.

Стихи-загадки: 1. Канал. 2. Землесосный снаряд. 3. Шлюз. 4. Бульдозер.

Головоломка с буквами. Пионерская пословица — «Пионер — всем ребятам пример».

За чайным столом

1. Гранёные стаканы имеют более толстые стенки, чем гладкие. Стаканы же с толстыми стенками при наливании в них горячей воды лопаются чаще, так как внутренняя и внешняя стороны их стенок расширяются неравномерно.

2. Когда мы дуем на горячую воду, то воздух над ней всё время сменяется, испарение происходит более интенсивно, и вода остывает быстрее.

3. Блестящая поверхность испускает меньше тепловых лучей. Поэтому в чайниках с такой поверхностью вода быстрее нагревается и медленнее остывает.

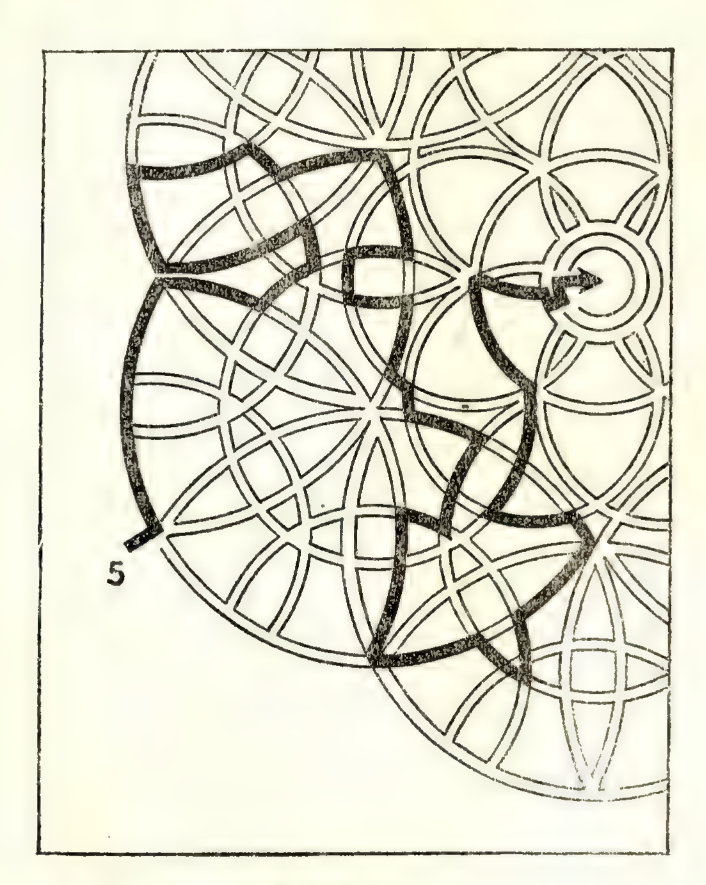
4. Когда чайник споласкивают кипятком, он нагревается, и вода, налитая в него во второй раз, бывает более горячей. Это способствует лучшему завариванию чая.

5. В самоваре сначала нагреваются нижние слои воды у дна. Здесь образуются пузырьки пара, которые вместе с нагретой водой поднимаются вверх в более холодные слои, где давление внутри пузырьков падает, и частички воды, врываясь в них со всех сторон, сталкиваются и производят звук удара. Громадное количество таких ударов и создаёт «пение» самовара.

6. Когда мы размешиваем в стакане воду, то она начинает двигаться вихреобразно. Причём в верхних слоях это движение направлено от середины к краям, а в нижних от краёв к середине. Последнее движение воды и собирает чаинки на середину дна.

7. Дно в стаканах делается толще стенок для того, чтобы стаканы были более устойчивы.

Лабиринт.

Два острова. 1. Сицилия. 2. Целебес.

СОДЕРЖАНИЕ

Для малышей

Памятные даты

В часы досуга

Редактор *И. Кругликов*
Обложка художника *О. Коровина*
Технический редактор *Л. Носова*
Корректоры *Р. Селянкина*
и *М. Епимахова*

*

Подписано к печати 20/X 1953 г.
Уч.-изд. л. 5,96 Бумага 70×92/16=3,75
бумажного +1 вкл. — 8,92 печатного
листа. НС 34280 Тираж 25000
Заказ № 117. Цена 3 р. 60 к.

*

5-я типография треста Росполиграфпром, Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

*

3 р. 60 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953